

РОМАН СУРЖИКОВ

АМЕРИКАНСКАЯ
ПРЕЖДЕ
ВРЕМЯ

ТОМ I

Полари

Роман Суржиков
Янмэйская охота. Том I

«ИП Головин»

2020

Суржиков Р.

Янмэйская охота. Том I / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2020 — (Полари)

Кто же такой Кукловод? Чего добивается тайный орден? В чем секрет Священных Предметов? Эти вопросы – верхушка айсберга. Ответы на них ведут к иным, более древним и глубоким тайнам. «Янмэйская охота» – четвертая, предпоследняя книга о мире Полари. Детективная линия – череда интриг, загадок и подозрений – достигает развязки. Все тайные силы становятся явными, а все фигуры занимают свои места на той или иной стороне поля. Предстоит великая финальная битва.

© Суржиков Р., 2020

© ИП Головин, 2020

Содержание

Монета – 1	5
Монета – 2	17
Свидетель – 1	31
Монета – 3	39
Свидетель – 2	51
Монета – 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Роман Суржиков

Янмэйская охота. Том I

Моя благодарность адвокату Владу Каланжову за правовые консультации по делу весьма важного для сюжета подзащитного

Монета – 1

*Октябрь – декабрь 1774 г. от Сошествия
Мелисон (королевство Шиммери)*

Если покинуть Лаэм, столицу шиммерийских королей, через северные ворота и двинуться в сторону Пентаго, то под колесами расстелется Белый Тракт – лучшая дорога на Юге, а может, и во всей Империи. Он вымощен шестиугольными плитами песчаника, так плотно подогнанными, что ни одна травинка не пробивается в стыки. Белый Тракт пересекает горы с тем изящным искусством, с каким опытный мужчина завоевывает сердце барышни: огибают слишком острые неровности рельефа, избегает крутых подъемов и резких провалов, идет наверх столь плавно, что впору и вовсе не заметить. Спустия полдня езды остановишься на обочине, спрыгнешь с телеги размять кости – и ахнешь: Лаэм уже остался далеко внизу, и ты глядишь на него с высоты птичьего полета.

К закату второго дня пути в фургоне (либо к концу первого, если верхом) можно достигнуть Малого Перевала. Лошаденки подустанут к тому часу, а время будет самым подходящим для ужина, холодного чая и мягкой постели, потому вполне разумным покажется сделать остановку на ночлег. К услугам тех путников, кто внемлет голосу разума, здесь, на Малом Перевале имеется целая дюжина гостиниц и трактиров разного пошиба, а также конюшня, винный погреб, шляпная, мастерская сапожника и уютный бордельчик «Венок незабудок». Утолив все возможные желания, ты сладко уснешь, а с рассветом продолжишь путь. И не найдется у тебя мотива, чтобы спустя милю свернуть с Белого Тракта на запад по узкой дорожке. Вряд ли ты ее и заметишь – так она завалена осколками камней и так заросла острой жесткой травой, что впору принять за обычный разлом между скал. А если даже заметишь, то какой резон будет тебе – сытому, свежему и целеустремленному – сворачивать с Белого Тракта? И ты продолжишь путь, не узнав того, что двумя милями западнее в укромной долине лежит Мелисон – пригожий городок виноделов.

Люди, живущие там, говорят со смешным горским акцентом, не носят шляп, шевелят губами, когда приходится сложить в уме числа, и никогда никуда не спешат. Лаэмцы считают мелисонцев тугодумами и в голос смеются над ними, если встретят на базаре. По этой причине мелисонцы не любят ни лаэмцев, ни базары. До недавнего времени Мелисоном владел славный барон Монат-Эрлин. Но все три года правления владыки Адриана осень в Шиммери выпадала исключительно солнечной, и виноград набирался излишней сладости. Славный Монат-Эрлин, который терпеть не мог полных женщин и сладких вин, лишился любви к своему владению и выставил его на продажу. Городок Мелисон с прилегающими виноградниками приобрел славный граф Огюст-Римар, Третий из Пяти. Граф совершил покупку только ради дохода, а не для жизни в этакой глуши, и потому отказался купить вместе с городом старое поместье Монат-Эрлинов. Барон продал поместье отдельно, само по себе. Оно было не ахти каким товаром: большой дом в захолустье, подобно слишком ревнивой любовнице, приносит мало удовольствия и много мороки. Потому барон Монат-Эрлин отдал его за скромных четыреста эфесов анонимному покупателю. Рьяный лаэмский делец, бывший посредником при продаже, так измучил барона торгами, что Монат-Эрлин почел за счастье быстро и без вопросов подписать

купчую. Строка для имени покупателя осталась пустой, посредник позже сам заполнил ее, выведя: «Славный Хорам Паулина Роберта». Осенью года Северной Вспышки новый владелец въехал в поместье Монат-Эрлинов.

Поначалу к купцу Хораму со свитой в Мелисоне отнеслись настороженно. Чего еще было ждать от жителей маленького городка в укромной долине? Женщины сторонились чужаков, дети глазели издали и чуть что убегали, мужчины говорили с такою обстоятельной вежливостью, за которой ничего внятного нельзя было расслышать. Если чужаки показывались на мелисонском базаре, местные назначали умеренную цену, чтобы не дать повода для спора. Если чужаки заходили в кабачок, завсегдатаи как по команде прекращали сплетничать и принимались обсуждать погоду. Словом, никакой дружбы между обитателями Мелисона и свитой славного Хорама не предвиделось, как, впрочем, и вражды. Однако любопытное обстоятельство переменяло ход событий.

Вышло так, что Хорам переезжал в Мелисон не за раз, а в несколько заходов. Первым днем он прибыл всего на двух телегах: в одной помещался сам Хорам, его спутники и три сундука, а в другой – бесформенная куча тряпья да еще громадная плетеная корзина. Ясно было, что для жизни на новом месте этого багажа не хватит. Что такое три сундука на четверых человек? А тряпье это – только на простыни порезать, а корзина – вообще непонятно кому нужна, слишком уж большая. И верно: один из людей Хорама тут же уехал назад в Лаэм, а спустя неделю вернулся на двух телегах с новой поклажей. Но груз этот оказался вовсе не тем, что требуется для жизни. Дюжина сувоев шелка, четыре бухты веревок, непонятный станок с колесом, сосуды с краской – зачем все это, спрашивается? Может, Хорам хочет открыть швейный или красильный цех? Тогда ему нужно испросить разрешения у мелисонских старейшин, иначе совсем никуда не годится! Мастер Корнелий, носящий шарф бургомистра Мелисона, так встревожился от внезапной угрозы своему авторитету, что два дня собирался с духом и на третий сказал Хораму:

– Славный, если волею богов вы желаете поговорить о швейном деле, то я не имею ничего против того, чтобы обсудить это с вами.

Хорам ответил в том духе, что швейного дела он не знает и беседовать о нем не может. Мастер Корнелий ушел, глубоко оскорбленный, и два часа обсуждал с трактирщиком, как хорошо было раньше, при старом бароне.

А помощник Хорама опять уехал в Лаэм, и вернулся через неделю с новым странным грузом. Теперь в телеге помещались три связки книг, саквояжик с писчими принадлежностями, несколько заколоченных ящиков и ученого вида старичок. Добрые жители Мелисона терялись в догадках: как это может пригодиться для швейного цеха? В книгах что – выкройки? А в ящиках? А старичок зачем? Скверным портным он будет, при его-то зрении! Бургомистр Корнелий снова счел нужным побеседовать с Хорамом, зайдя на сей раз с другого конца:

– Коли человек делает что-нибудь, то ему надо гордиться своим делом, а не держать его в постыдной тайне. Это так я думаю, а если вам угодно не согласиться, то вы можете сказать, как оно по-вашему.

Хорам согласился, но Корнелий не сумел понять, с чем именно. Ушел растерянный и всерьез задумался написать барону Монат-Эрлину, чтобы тот выкупил поместье обратно.

– Клянусь Софьей и Еленой, я непременно напишу, если Хорам продолжит в том же духе! – сказал Корнелий трактирщику.

А хорамов прихвостень снова укатил в Лаэм. Жители тихого Мелисона с дрожью ждали его возвращения. Что творил Хорам в своем поместье – оставалось загадкой. Ничего похожего на швейный цех там не возникло, и от этого становилось еще тревожнее. Мало того, что лаэмские зазнайки задирают носы у себя в Лаэме, так теперь они явились в Мелисон творить здесь свои делишки! Как можно терпеть такое?! Четверо самых видных городских дам выставили

ультиматум бургомистру Корнелию: он обязан что-нибудь предпринять! Если в ближайшее время Корнелий не совладеет с Хорамом, то винить ему придется только себя.

Когда прибыл очередной груз для славного Хорама, Корнелий пошел на решительные меры: велел констеблю остановить телеги и тщательным образом обыскать. Констебль смешался: никогда прежде ему не доводилось кого-либо обыскивать, поскольку горожане ничего не скрывали. Но, движимый чувством долга, он набрался смелости и сдернул мешковину с груза.

– Что я вижу?! – вскричал он от возмущения. – Вы везете вино в город виноделов! Противу всех правил, законов и воли богов! Вопиющее кощунство!

Констебль ожег огненным взглядом хорамова слугу.

– Вас может оправдать лишь одно: если это вино – плохого качества и не равня нашему.

Он потянул пробку, чтобы удостовериться, но помощник Хорама сдержал его руку:

– О слабый рассудком защитник закона, если ты опробуешь эту жидкость, то злодейство и произвол расцветут буйным цветом на улицах Мелисона, ибо это не вино, а кислота.

– Кислота?!

– И весьма едкая, именно потому на сосудах изображены недвусмысленные черепа, которые ты почему-то обогнул своим взглядом.

– Нарушение! – возопил констебль. – Ради покоя горожан, я должен арестовать груз!

– Если ты слугитель закона, то должен исполнять его волю. А воля закона такова, чтобы ты делал то, что в законе написано. Вот и скажи мне, где написано, что в Мелисон нельзя ввозить кислоту?

– Эээ...

Констебль призадумался. Насколько он знал, ни в одном кодексе, действительно, не содержалось запрета на кислоту, ибо никто прежде не пытался ввозить в город этакую дрянь. Как же поступить, если совесть требует одного, а закон – иного? Пока констебль обмозговывал вопрос, помощник Хорама приказал извозчику, тот хлестнул лошадей и укатил.

Это уже было слишком! Это было до такой степени слишком, что бедный бургомистр Корнелий утратил сон. Он видел лишь два объяснения событиям: либо лаэмцы хотят отравить виноградники Мелисона, либо прислали кислоту сюда затем, чтобы избавиться от нее, вроде как выбросили. В любом случае налицо грубые оскорбительные происки, и как бороться с ними – Корнелий не знал. Барон Монат-Эрлин продал городок и больше здесь не властен. Новый хозяин, граф Огюст-Римар, ни разу не появился в Мелисоне, а бургомистру воспитание не позволяло слать письма незнакомому человеку. Жаловаться шерифу Лаэма на лаэмцев – безнадежная затея. Своими силами выдворить Хорама из города? Но как выдворишь, если он купил поместье? Всякий знает: город – это одно, а поместье – другое.

В отчаянье Корнелий пошел за советом к священнику. Добродушный отец Элизий жил согласно одному принципу: боги благостны, мир устроен справедливо, потому жди – и все само образуется. Так обычно и говорил, когда у него просили совета. Выслушав рассказ бургомистра, отец Элизий спросил:

– Ты знаешь свое место в мире?

– Конечно, – ответил бургомистр, подергав конец шарфа.

– Усердно трудишься?

– Еще как.

– Получаешь удовольствие от своих или чужих страданий?

– Да какое удовольствие! Извелся уже с этим приезжим шельмецом!

– Развиваешь свое тело и разум?..

Так отец Элизий прошелся по всем двенадцати главным заповедям. Получив благочестивые ответы, он сказал:

– Вот видишь, мастер Корнелий: ты – хороший человек, живешь порядочно, следуешь писанию. А значит, боги о тебе позаботятся, и все наладится со временем.

Это успокоило бургомистра, он вернулся домой и сладко уснул, а наутро узнал, что все уже начало налаживаться.

Извозчик, что доставлял Хораму странные грузы, на обратном пути завернул в трактир выпить. Он и раньше туда заживал, но прежде трактирщик избегал с ним говорить, ибо извозчик был лаэмцем. Теперь же происки Хорама зашли так далеко, что трактирщик не сдержал любопытства:

– Как поживает твой наниматель? Не жалеет ли, что съехал из Лаэма?

– Туда ему и дорога, – задрал нос извозчик. – У нас никто по нему не скучает.

– Но разве сам он не лаэмец?

– Хорам – лаэмец? – извозчик расхохотался. – Из него такой лаэмец, как из курицы – птица!

А прежде-то этот факт не подвергался сомнению! Хорам богат и приехал из Лаэма – значит, лаэмец, кто ж еще? Но теперь слова извозчика зародили сомнения, и горожане взялись за следствие. Кто таков Хорам и его свита? Откуда появились?

На сей счет сперва опросили слуг Хорама, когда те приходили в лавки за покупками. Затем Корнелий с трактирщиком съездили вместе на Малый Перевал, навели справки у тамошних торговцев и хозяйки борделя. Отец Элизий ради общего блага не поленился даже отправиться в Лаэм и потолковать со знакомым священником. Каждое новое известие все больше радовало добрых жителей Мелисона.

Начать с Хорама. Вовсе он не лаэмец и даже не южанин. Прибыл с севера – кажется, из Короны. Там, на родине, случилась с ним трагедия: умерла не то жена, не то альтесса. На севере часто кто-нибудь умирает. В Лаэме бедолагу тоже не приняли – подняли на смех за две чудаческие покупки. А раз лаэмцы над ним смеялись – значит, хороший человек. Над мелисонцами эти зазнайки тоже смеются.

Потом, девушка Низа. Никакая не шиммерийка, приглядишься внимательней – сразу поймешь. Кожа смуглая, живот плоский, глаза миндалем – явная шаванка! Ее привезли в Лаэм на продажу, как пленницу. Она этим гадам-лаэмцам так надерзила, что хотели ее в море выкинуть. Одному, говорят, откусила ухо, другому чайник на голову надела – ай, молодец! Несдобровать бы Низе, если б не Хорам: вовремя выкупил ее и увез.

Затем мастер Гортензий, истопник. Он изобрел небесный корабль – тряпичный шар, что летает по воздуху и носит людей. Дурная выдумка, неясно, зачем оно надо. Но лаэмцы из-за шара сильно разозлились, кто-то даже лишился мужской силы – а значит, изобретение не пропало зря. Чем меньше лаэмцев родится на свет, тем спокойнее будет. Добро пожаловать в Мелисон, славный мастер Гортензий!

Последний – Онорико-Мейсор, он же Рико-сводник, который привозил Хораму всяческие грузы. Уж этот – как есть, чистый лаэмец. Женат на белокровной нахалке, родил двух гадких лаэмчат. Но одно обстоятельство оправдывало Рико в глазах горцев: он так обнищал, что был выгнан из дому собственной супругой. А нищий лаэмец – совсем не то, что богатый. На нищего всегда приятно посмотреть!

Вот так за неделю расспросов Хорам со свитою превратились из идовых слуг в добрых и честных людей, чуждых всякой лаэмской мерзопакости. Бургомистр так устыдился своих прежних подозрений, что улучил момент и сказал Хораму:

– Славный, я должен поделиться с вами выводом, к коему пришел путем размышлений. Неважно, откуда человек приехал, а важно – каков он есть внутри себя. Коль это правда, а это она, то мне ничего не остается, как испросить у вас прощения.

Хорам ответил:

– Не стоит беспокоиться, мастер Корнелий, я вовсе не в обиде.

А затем пригласил бургомистра на примирительный обед. Кроме Корнелия, приглашен был трактирщик и отец Элизий, все вместе с супругами. Еще неделю назад они побоялись бы войти в поместье, где творятся темные дела. Теперь же дамы сгорали от любопытства, а мужчины предвкушали отличную беседу.

Обед состоялся теплым осенним днем. (Как раз в тот день далеко на севере генерал искровиков разбил армию нетопырей, но мелисонцы, конечно, этого еще не знали.) Прошел обед, как и ожидалось, в дружеской обстановке, с интересными разговорами и добрыми шутками. Покинув поместье, гости поделились своими наблюдениями.

Мастер Корнелий сказал:

– Так вот зачем понадобилось столько ткани! Они, значит, строят новый большой шар. Этаким шаром можно будет половину лаэмских мужиков обессилить!

Жена мастера Корнелия сказала:

– Я думаю, он с нею не чих-пыхает. У нее глаза дикие, а у него – грустные. Он, поди, ее боится.

– И правильно делает! – согласилась жена трактирщика. – Она шаванка, ей что не так – схватит нож и тяп. Но этот Рико липнет к ней глазами, как голодный к колбасе.

Трактирщик сказал:

– Если спросите меня, то я отвечу: Хорам разбогател недавно. Лакеев только двое, и те новые, лошадей своих еще нет, пожитков горстка, но имение купил. Повезло славному!

– Вот и наоборот, – возразила жена отца Элизия. – Совсем ему не повезло, бедняжке. Почему он сюда приехал? Потому, что на Севере стало не жить. А почему на Севере плохо? Потому, что война, и любимую его убили, и дом сожгли, наверное. Потому он и с Низой не того-сего: тужит по супруге, несчастненький.

А отец Элизий сказал:

– Главное, что он хороший человек: трудится как может, живет по заповедям. Боги о нем позаботятся, и все наладится.

Все согласились с этим, и никто даже не вспомнил нераскрытую тайну: зачем же славному Хораму понадобилась телега кислоты?

* * *

Хорошо ли тебе живется, Хармон Паула?

В последнее время Хармон любил задавать себе этот вопрос. Проснуться на мягкой перине далеко после рассвета, накинуть теплый халат, взять чашечку чаю, выйти на балкон. Вся долина – как на ладони: ратуша с диском солнечных часов, церквушка со звонницей, белые домики под черепичными крышами, возле каждого – цветничок и два деревца для тени. Налево от городка – пенистая речушка и оливковая рощица, вдоль речушки аллея, чтобы гулять; направо от городка – пестрые шатры базарчика, он работает раз в неделю, но шатры стоят всегда, можно посидеть в тени, выпить винца. А вокруг всего – горные склоны, покрытые лоскутами виноградников, а на дальнем, самом крутом, пасутся козы. Все-все видно, поскольку поместье стоит на возвышенности. Его поместье! Хармон Паула Роджер – помещик. Каково?

Хорошо ли тебе живется, Хармон Паула? Прекрасно, как у Софьи за пазухой.

Большой дом, будь он поновее, в пору было бы назвать дворцом. Все как полагается: колонны, арочный вход, балконы, фонтан перед входом (правда, неисправный). Вот только драпировка на стенах сплошь пожелтела от солнца, да паутина всюду – пара лентяев-слуг, нанятых Хармоном, не поспевает за трудолюбием пауков. Но это ничего, зато мошек не будет, а драпировку со временем можно поменять. Да фонтан починить, чтоб журчал. И еще, может, павлина завести – пускай себе шастает по саду, хвостом сверкает. Тогда выйдет настоящий, безоговорочный дворец. Дворец Хармона Паулы!

Слуг, конечно, надо побольше. Сейчас только два лакея да кухарка – не справляются. Нужна еще пара горничных, дворецкий и конюх. Будет же у Хармона своя конюшня, не все ж наемными извозчиками ездить. В обновленном дворце да с полным штатом слуг, да с фонтаном, да с павлином – вот когда роскошная жизнь пойдет! Но и сейчас такая, что стыдно жаловаться.

Еще и город виноделов – только подумать! Виноградники Монат-Эрлина... когда-то в Южном Пути кто-то угощал его с таким пафосом: «Опробуйте, сударь: Монат-Эрлин, урожай шестьдесят шестого года». А теперь выйди в город – и в любом кабачке, да что там, в любом доме, купишь этого самого Монат-Эрлина по цене чуток дороже простого элю. Нужно завести собственный винный погреб. Тем более, что погреб-то есть – огромный, прохладный, всем необходимым оборудованный. Только наполнить его разнообразными винами, и в любой день можно будет заказать согласно настроению: «Сегодня хочется чего-нибудь сладкого. Принеси-ка мне, дружок, черного муската восьмилетней выдержки». Хорошо же!

Со всех сторон хорошо, как ни взгляни. Одна только крохотная печаль: скучновато, занять себя нечем. Хармон привык колесить по свету, а дорога, даже знакомая, всегда поставляет неожиданности. Тут размыло, там построили, здесь воры, там коровы... Выходит так, что всякий день не похож на предыдущий, потому жизнь кажется наполненной. Кроме того, дорога – это дело: приехал – выполнил. Здесь, в Мелисоне, иначе. Все дни на одно лицо: Хармону хватило месяца, чтобы это понять. Люди одинаковые, говорят все об одном, приезжих нет, приключений не случается, даже погода стоит равномерная: ведь в Шиммери зимы не бывает, как наступила осень – так и длится до весны. И дела тоже нет, если разобраться. Небесный корабль – это ведь не Хармона дело, а мастера Гортензия. Хармон лишь снабжает его необходимым.

Но и тут нечего ныть, ведь на самом деле не так и скучно. Для начала развлекли Хармона горожане: заподозрили невесть в чем и учинили слежку. А он ради забавы не стал развешивать подозрений – наоборот, напустил туману. Всполошил весь городишко и со смехом потом наблюдал, как мужики плятятся, а дамочки прячутся, а бургомистр тщетно ищет управу. Дальше, когда Хармон уже примирился с местными, то наслушался от них новостей. Принц Гектор пошел в Литленд бить шаванов – об этом здесь говорили много, и все были уверены, что Гектор одержит блестящую победу, ибо никого могущественней принца горожане попросту не знали. Для Хармона же куда важней была другая новость: оказывается, герцог Ориджин, брат Ионы, поднял мятеж против владыки. Поскольку Южный Путь встал на сторону Короны, то герцог разбил путевские войска и занял Лабелин. Для Хармона это было приятно с двух точек зрения. Во-первых, слава богам, что он сейчас не в Южном Пути! Во-вторых, коль у Мориса Лабелина отняли столицу, то теперь он уж точно не станет искать Хармона-торговца, даже если заметит подделку Предмета. Словом, нельзя сказать, что в Мелисоне не бывает новостей – по меньшей мере, иногда доходят новости внешние.

Также неверно и то, что у Хармона нет дела: есть же небесный корабль! Да, строит Гортензий, но деньги-то выделил торговец, так что дело, считай, его. И развивается оно, надо сказать, весьма бурно.

Давеча в Лаэме Хармон сказал Гортензию:

– Хочу приобрести ваш аппарат, чтобы совершить полет в Фаунтерру.

Гортензий, хотя и мечтал продать проклятуший шар, все ж не сдержал грустного смеха:

– Славный, видите ту гору? Если долетите до нее без посадок, то считайте себя любимцем богов.

– Я имел в виду, – уточнил Хармон, – что вы надлежащим образом переделаете шар. Если, к примеру, возьмешь шлюпку, то не проплывешь больше мили, но если купишь галеон, то легко обойдешь весь Поларис. Вот и сделайте для меня галеон, а не шлюпку.

Гортензий предположил, что Хармон насмехается, и обложил его витиеватым ругательством, основанном на любовных связях ишака с гиеной. Низа посмотрела на Гортензия так, как умеет лишь она: круглыми чистыми детскими глазами.

– Мы вас очень просим, мастер.

– Я заплачу, – добавил Хармон.

– Много? – недоверчиво буркнул Гортензий.

– Сколько понадобится.

– Дв... триста эфесов! – бросил Гортензий, чтобы покончить со спором.

– По рукам, – ответил Хармон.

Позже оказалось, что новый шар стоит не триста эфесов, не двести и не четыреста, а Праматери знают сколько. Изобретатель понятия не имел, как «сделать из шлюпки галеон», лишь надеялся, что с тремястами золотых что-нибудь придумает.

– Понимаете, славный, – объяснял он Хармону уже в Мелисоне, на этом вот балконе, – наша главная беда – это ветер. Морское судно может идти под углом к ветру за счет того, что сила ветра суммируется с силой воды. Куда будет направлена сумма – зависит от положения парусов и киля. Но небесный корабль не касается воды и целиком зависит от силы ветра. Значит, какие ни сделай снасти и паруса, полетим строго туда, куда ветер, и не иначе.

– Значит,ждемся, чтобы ветер дул в сторону Фаунтерры, и...

– Эх, славный Хорам, если бы в мире все было так просто, то мы бы лежали в тени, а спелые фрукты падали нам в рот. Первым делом, ветер никогда не дует точно на Фаунтерру. Бриз направлен на север, то бишь, понесет нас в Надежду, а не в Корону. Вторым делом, ветер меняется. Это в Лаэме он южный, а перевалим первый хребет – станет очень даже западный. Попадем не в Надежду, а прямо в болота Дарквотера, там и булькнем вместе с шаром. Ну и третьим делом, едва воздух в шаре остыл, так полет и окончен. По опыту, это миль десять-двадцать. Взять с собой дров не выйдет – лишняя тяжесть.

– Тааак, – хмыкнул Хармон. – Имеешь изобретательские идеи?

– Думать надо. Без мысли только куры несутся...

Гортензий принялся думать, и Хармон старался думать тоже, хотя ему это давалось с большим трудом. Вся хармонова смекалка была о том, как поладить с людьми. Иметь дело с неживой материей, типа ткани и ветра, торговец совершенно не привык. Одно, правда, сумел измыслить:

– Вместо дров можно взять горячее масло. Купим самое чистое. Ничего, что дорого – зато оно по весу легкое, а тепла дает много. Сможем взять запас в полет.

Гортензий согласился: идея неплоха, но остальных проблем не решает. Как быть с направлением ветра?

Здесь неожиданно помогла Низа. С тех пор, как мечта о полете овладела ею, девушка любила смотреть на облака. Когда ветер нес их, Низа представляла себя сидящей на облаке – и хрупкая улыбка трогала ее уста. Низа почти не говорила о своих мечтаниях, она вообще говорила мало, но однажды выронила:

– Какие тяжелые! Несут в Степь дожди. Полететь бы с ними...

Гортензий буркнул:

– Скорее, в Литленд. Восток от запада не отличаешь.

Но вдруг подхватился, наслюнявил палец, поднял кверху.

– Святые ишаки! Ветер от высоты зависит! Здесь дует на восток, а вверху, где облака – на запад!

Для проверки совершили полет. Раскочегарили идовский костер, надули шар так, что чуть не лопался, и поднялись на целых полмили. И Низа, и Гортензий вернулись в полном восторге: девушка – от самого полета, мастер – от открытия. Все-таки можно менять направление полета – нужно выбрать правильную высоту! Хармон довольно потирал руки. Хотя додумался

Гортензий, а подсказала ему Низа, но все делалось на деньги торговца – а значит, открытие принадлежит Хармону. Пускай так и запишут в научных книгах!

Кстати, книги скоро понадобятся. Ясно было, что нужно менять высоту полета, но неясно – как. Взлетит шар на столько, на сколько позволит сила горячего воздуха. А если надо опуститься – что делать? Выпустить часть жара? Но тогда уж обратно ввысь не взлетишь. Тепла горящего масла не хватит, чтобы набрать высоту. То есть, лететь придется так: с утра повыше, потом пониже. А если нужный ветер дует как раз наоборот – утром внизу, вечером вверх?

Некогда в молодости мастер Гортензий посещал открытые лекции в университете Лаэма и читывал книги в библиотеке. Помнил с тех пор, что существует некий очень летучий газ, который редко встречается в природе: чуть возникнет – сразу улетит, и нет его. Если наполнить шар этим газом, он будет лететь лучше, чем от жара, и топлива не понадобится. Как зовется газ и где его добыть – Гортензий не помнил. Рико взял у Хармона денег, отправился в университет и привез кипу книг обо всех возможных газах, а заодно – видного магистра-алхимика, чтобы уж наверняка. Магистр был урожденным лаэмцем, к тому же благородным, потому первым делом высмеял городишко, Хармона с Гортензием и всю их затею. Но Рико тоже был урожденным лаэмцем и восемь лет прожил с белокровной дворянкой, так что умел общаться с этой публикой. Он выдал метафору, витиеватую как планы царедворца. Из нее магистр понял, что платят ему не за насмешки, как комедианту, а за знания, как советнику владыки. Он смиловился и выслушал задачу. Выслушав, снова принялся хохотать. Конечно, спали его солнце, магистр знает летучий газ. Газ зовется водородом и подходит небесному шару, как страусу седло. Во-первых, водород легко проникает сквозь материю и в шаре не удержится. Во-вторых, его сложно получить, а в-третьих, он чертовски горюч. Зажжешь под таким шаром костерок – и моргнуть не успеешь, как обнимешься с Ульяной Печальной. Рико соорудил новую метафору с тем смыслом, что если бы путь ученого был легким и гладким, алхимиками становились бы ленивые холопы, а не лучшие умы королевства. Магистр принял словесное поглаживание и сказал:

– Положим, водород можно удержать, если пропитать материю особой смесью – в этой книге найдете ее состав. Положим, добыть водород можно из кислоты и железных опилок – в той книге есть описание реакции. Но что делать с горючестью – ума не приложу.

– А зачем вообще нагревать водород? – спросил Хармон. – Он ведь и холодный полетит, верно?

– Полетит всенепременно, а как вы на землю спуститесь? Горячий шар садится, когда остывает. А водородный будет летать до конца войны, вы там умрете от голода.

Хармона передернуло.

– Нельзя ли что-нибудь выдумать?

– Как показали святые Праматери, выдумать можно что угодно. Но в данном случае – зачем? Кораблем вы дойдете до Фаунтерры дешевле и надежней, чем шаром, еще и груз привезете. Так в чем научная ценность вашей работы?

Хармон Паула еще не заполнил свой погреб, но уже запаса парой бочонков отличного винца – без них слишком скучно было вечерами. Он сказал магистру:

– Я имею в наличии вещество, которое стимулирует размышления о научной ценности. Предлагаю провести реакцию взаимодействия с этой жидкостью.

К утру один из бочонков опустел, а решение было найдено. Ну, не решение как таковое, но путь, ведущий к нему. Магистр уехал, весьма довольный приемом и оплатой, и прислал взамен себя студента. Тот хорошо разбирался в алхимии и как раз нуждался в теме для зачетной работы – вот он и получит тему, и поможет Гортензию.

Затем Рико привез кислоту и алхимическую посуду, и работа пошла полным ходом. Вот тогда Хармон впервые приуныл.

До сей поры он принимал живое участие в изобретении – пускай мало помогал, но много говорил и во все совал нос, так что был занят. Теперь Гортензий и студент сами знали, что делать, в разговорах с Хармоном совершенно не нуждались. Заходя в их мастерскую, он пугался от острого запаха, шипения, бульканья. Не знал, куда себя пристроить, и Гортензий аккуратно спраживал его:

– Кислота – опасная штука, славный. Лучше поберегись, тебе еще детей плодить.

Хармон уходил, и, хотя понимал правоту магистра, но все же расстраивался. Прежде он всегда трудился и всегда мастерски, его помощники и близко не стояли к его искусству торговца. Теперь вот нанял людей, и ничегошеньки в их делах не понимает, только и может, что платить за все.

Ну да ладно, Хармон Паула, ты лучше скажи: хорошо ли живешь?

Уж явно не плохо. Многим на зависть.

Что скучновато – не беда. В конце концов, лучшая забава – люди. Вот и развлекайся ими!

А людей рядом с ним было трое. То есть еще были слуги и кухарка, но Хармон уже вжился в роль богача и не считал слуг за людей. Хозяин фургона еще мог брататься с конюхом или кухаркой, но хозяин поместья – нет уж. Так что спутников имелось при нем трое.

Самым болтливым был, конечно, Онорико. Хоть весь день бы рта не закрывал – слушай сколько угодно. Историй много знает, в основном про женщин, так это и хорошо. Всегда ж приятно о дамочках послушать! А к Хармону так и лезет в друзья – голыми руками бери.

Но, видно, что-то поменялось в душе торговца. Нечто неуловимое, не сразу замеченное, однако важное. Неохота была слушать Рико. Он – хороший парень, добрый, бойкий, говорит забавно... но лишен чего-то существенного. Слова говорит – что воду льет: журчать журчит, а смысла мало. Характер показывает – а его сразу весь видно, характер-то. И что странно: всю жизнь Хармон ездил с такими людьми – простыми, понятными, – и никогда не жаловался. Но теперь – повернулось в душе... И вместо разговоров Хармон все больше соскальзывал в воспоминания. Там, в прошлом, был граф, ради любви отдавший святыню; была графиня, сотканная из воздуха и кристаллов льда; был отец Давид – не то подлец, не то святой; был брат Людвиг с его пыточными машинами; был труп Молчаливого Джека... Каждый из них заставил потрудиться душу Хармона, каждый вызвал бурю чувств – хороших или скверных – и сотню раз вспоминался потом. А Рико... тьма сожри, отвык Хармон от простых парней! В скелете Молчаливого Джека было больше тайны, чем в целом Онорико-своднике. Даже в камзоле, снятом со скелета, – и то больше. Даже Джоакин Ив Ханна, пускай тоже казался простым, но нашел достаточно сердца полюбить целую герцогиню. Рванулся вдаль, за несбыточным... Глупо, – думал тогда Хармон. А теперь что-то щемило... Где теперь глупец Джоакин? Сгинул, наверное. Не зря война...

Рико, в отличие от Джоакина, не пошел за своей мечтой. Только Ванесса-Лилит выперла его за порог, так и пропали у него иные мысли, кроме как о любимой женушке. Каждую агатку, данную Хармоном, аккуратно прятал в сундучок, и было нечто унылое в этой бережливости. Мечтал Рико о Низе – с его мечты и началась вся здешняя история. Низу Рико мог взять бесплатно: соблазнить, влюбить в себя – и Хармон не удержал бы. Но Рико сох по жене, лишь изредка бросая на Низу безнадежные собачьи взгляды. Рико стал безопасен, потому Хармон и оставил его при себе... потому и скучал в его обществе.

Мастер Гортензий, казалось, был интереснее Рико. Учился в университете, смыслил в науках, изобрел небесный шар... Одна беда: больно любил Гортензий считать расходы. Заведешь с ним речь о корабле – перечислит каждую истраченную елену, начнет прикидывать, сколько людей надо поднять в воздух, чтобы окупилось. Заговоришь о семье (а Гортензий имел семью в предместьях Лаэма) – тут же расскажет, сколько денег он дает жене каждый месяц, и на что ей хватает, а на что не хватает, и сколько бы монет еще добавить, но их нету... И снова: сорок лет жизни сам же Хармон был точно таким! Глядел на любую вещь – прикиды-

вал цену, встречал человека – думал, что ему продать. И ничего плохого в том не видел, но теперь... Странно сказать: тесно стало торговцу в мире денег. Привычно, но больно просто, приземленно. Хотелось говорить с теми, в ком – не только деньги. Все, кого Хармон вспоминал, ногами стояли на земле, но душами умели летать. Граф Виттор, леди Иона, отец Давид, Джоакин и, конечно, Полли – у каждого был свой невидимый небесный корабль.

Полли...

Низа.

Всякий раз, как в уме всплывало имя Полли, Хармон тут же заглушал его другим. Не думай о Полли, думай о Низе.

В отличие от Рико и Гортензия, Низа имела крылья. Не гордо расправленные, как у Северной Принцессы, а стыдливо спрятанные под одеждой. Если Низе случалось обронить перо, она накрывала его ногой и втоптывала в землю, пока никто не заметил.

Низе было, пожалуй, меньше двадцати. За недолгую жизнь ее слишком много били. Били люди, били боги судьбы – и не затем, чтобы убить, а просто ради забавы. Низа никогда не жаловалась, не рассказывала трагедий, но Хармон знал людей и многое сумел понять. Ее родителей, шаванов, прикончили другие шаваны. Обычно дети Степи меж собой не бьются насмерть, но для родителей Низы судьба сделала исключение. Ее взяли в плен и попытались научить покорности. Она не освоила науку, потому была жестоко избита. Два пальца на левой руке хранили следы переломов. Похоже было, что ладонь растоптали каблуком, а может, сунули в дверную щель. Потом Низу, как дикое животное, погрузили на корабль и взяли на цепь, чтобы присмирела. Это возымело действие: нет хуже пытки для шавана, чем лишение свободы. В Лаэм Низа прибыла очень тихой, и ганта Гроза получил шанс сбыть ее с рук...

Низе хватило мучений, чтобы почти разучиться говорить. Она накрепко замкнулась в себе, узкие глазенки стали щелочками в броне. Низа ничего не хотела, не задавала вопросов, любые просьбы Хармона, если они не были унижительны, выполняла без звука. А унижительных просьб он не допускал, потому слышал голос девушки только дважды в день – утром: «Хорошего дня, славный», – и вечером: «Доброй ночи, славный». Когда он спрашивал, она отвечала односложно либо жестом. Она же вовсе не спрашивала. Хармон несколько раз просил ее:

– Поговори со мной. Спроси о чем-нибудь.

– О чем спросить, славный?

– Ну, о том, что тебе интересно.

– Простите, славный, – говорила Низа и опускала глаза.

Если Хармон водил ее гулять, показывал поместье, поил вином – она говорила только: «Спасибо, славный». Низа никогда не пила сверх меры, зато ела всегда много, будто впрок.

Однако затравленная, изломанная эта пташка каким-то чудом сохранила крылья. Не смея расправить их, она иногда мимо воли показывала краешек. Как в тот раз, когда впервые услышала про шар. Или как с облаками, что летели на запад. Ее душа еще жила, это было поразительно до дрожи.

Конечно, Хармон не думал сделать ее любовницей. Не взвесил мысль и отверг, а именно не думал – так абсурдно это, что и думать нет смысла. Чего он хотел от Низы – это увидеть ее счастливой. Если она получит немного радости в награду за все мучения, то мир станет чуточку справедливее. А главное – утихнет хармонова совесть и перестанет сниться болт, торчащий из девичьей груди.

Вот только он не имел способа осчастливить Низу. Он был прагматичным торговцем, крепко стоящим на ногах, чуждым всякого воздуха. Что он мог?

Дарил подарки – осторожные, без пугающей роскоши. Низа отвечала: «Спасибо, славный». Ни одна черточка не менялась в лице.

Кормил вкусоностями, поил лучшими винами – Низа ела не ради вкуса, а про запас, на случай голода, и пила очень мало, чтобы никогда, ни в коем случае не утратить контроль.

Развлекал беседами – безнадежная затея. Говорил о себе – «Спасибо, славный». Спрашивал о ней – «Да, славный», «Нет, славный».

Показывал сад и поместье, невольно говорил то, что думал: «Здесь поменяем драпировку, сделаем зеленую с золотом... Фонтан починим... Павлина поселим, пускай себе ходит...» И, тьма сожри, сам себе становился противен. Чувствовал себя даже не свиньей, а слепым кротом в норе. Свинья лежит в грязи, но хотя бы видит небо! «Спасибо за рассказы, славный», – говорила Низа, и Хармону хотелось выть. Он не мог абсолютно ничего. Леди Иона смогла бы, и граф Виттор, и отец Давид, и Джоакин, и даже Молчаливый Джек! Хармон – нет. В поместье и городке и во всей долине имелась единственная живая душа, с которой Хармону хотелось быть рядом, и эта душа была безнадежно несчастна.

Однажды он спросил:

– Хочешь, я отпущу тебя на свободу?

То был абсурдный вопрос. Низе было некуда деться. Уйдя от Хармона, она погибла бы или снова была поймана и продана. Но от отчаянья он спросил, и Низа ответила очень зрело:

– Это не будет разумно, славный. Ваши деньги пропадут, а я умру. Если вы недовольны мною – скажите, и я буду работать больше.

То была весьма длинная речь. Растроганный, Хармон чуть не обнял Низу. Сдержался. Не нашел слов для ответа.

Приняв его молчание за упрек, Низа взяла щетку и принялась вычищать паутину по углам. Хармон остановил ее:

– Перестань, не нужно этого. Ты – не служанка. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

– Зачем, славный?

Он не смог объяснить. Низа вернулась к паутине.

Хорошо ли тебе живется, Хармон Паула? Скажи честно.

Однажды они вместе ужинали на балконе. Солнце садилось, домики по-особому розовели, журчала река. Хармону вспомнилось, как вместе с Полли гуляли в Лабелине, и как она пела «Балладу о Терезе».

– Мне одиноко, – сказал Хармон.

Тут же усомнился: имею ли я право жаловаться Низе? Ответил себе: конечно, еще бы! Я ее от смерти спас, кормлю и пою, а ей только и нужно, что жалобу послушать. И в следующий миг понял: нет, тьма меня сожри, как раз потому и не имею права! У Низы ведь нет выбора – слушать меня или к черту послать.

– Прости, – буркнул он, а Низа сказала:

– Мне тоже одиноко, славный. Но это пройдет. Любую пыль уносит ветер.

– Это у вас в Степи так говорят?

– Да.

– И что это значит?

– Что все плохое пройдет.

В порыве уничижения Хармон мотнул головой:

– Мое – не пройдет. Я поступил очень плохо!

– Не смотри на свои следы, славный.

– А это что значит? Не имеет значения, что я сделал? Но оно имеет! Я... я – чудовище!

Низа повернулась к нему, округлив глаза от изумления. Потом усмехнулась пугающе снисходительно. Нет, не был он чудовищем, не дорос. Просто крот в норе.

Тем вечером Хармон сделал то, чего не делал очень давно.

Спустился в погреб, вынул неприметный камень из стены, из черной ниши наощупь достал сундучок. Отпер замок, откинул крышку. Внутри лежал старый камзол с вышитым гербом – когтистым нетопырем Ориджинов. Говорят, такой герб теперь маячит на флаге над императорским дворцом. Но сейчас важен не он, а то, что завернуто в камзол.

Даже не пытаясь унять дрожь в руках, Хармон извлек на свет Сферу.

Хармон стал убийцей и вором, сменил имя, переехал на другой край света, разлюбил простых людей. На Севере вспыхнул мятеж, Южный Путь перешел в руки Ориджинов, столица пала, шаваны восстали против Адриана. Вся свита Хармона стала другой, а прежняя почти поголовно мертва. За год в мире изменилось все – кроме Светлой Сферы.

Хармон не смотрел на нее уже четыре месяца, наказывал себя за преступление, или ее – за соблазн. Светлая Сфера осталась в точности такой, какой он ее помнил. Потрясающе – даже чувство не изменилось! Обычно, когда видишь что-нибудь красивое в пятый, десятый раз – чувство притупляется, восторг заменяется привычкой. Но не здесь! Благоговейный трепет пронизал все тело Хармона, руки наполнились неземным теплом, сердце жарко забилося.

Он взял ее за внешний обод, затаил дыхание – и щелкнул. Внутреннее кольцо обратилось в мерцающий шар. Хармон смотрел на него, и смотрел, и смотрел, забыв про все на свете.

Спустя полчаса – а может, час – он решился остановить Предмет. Чувство одиночества пропало, как рукой снятое. С Хармоном была Светлая Сфера – значит, и сами боги. Он подумал: ради этого Предмета я убил двух человек, обманул двух великих лордов, рискнул собой и всею свитой. Я не продал Сферу, никому не показал, не получил выгоды. Я совершил злодеяние не ради денег, а по зову сердца.

Я тоже умею летать.

Монета – 2

*Конец декабря 1774 г. – начало марта 1775 г. от Сошествия
Мелисон (королевство Шиммери)*

Однажды Низа пропала. Утром ее не оказалось в поместье – вот и все.

Хармон пришел в ужас. Он видел два объяснения событию – одно хуже другого. Либо Низа захотела свободы и сбежала на Запад, либо ее выкрали. В первом случае ей конец: дорога в Рейс – пятьсот миль через горы, одинокой девушке не одолеть такой путь. Но во втором случае конец не только ей, а и Хармону! Он-то верил, что ни герцогу Лабелину, ни тайному ордену отца Давида больше нет до него дела. А если и есть, то не смогут они найти Хармона под чужим именем на другом конце материка. Но Низа исчезла, а кому нужно ее похищать? Сама она – не ценность, по здешним меркам. Значит, если выкрали, то – на зло Хармону!

Что делать? Как спастись?! Хармон бегал по поместью, мысли метались в голове.

Спасти Низу? Заплатить похитителям выкуп? Ах, если бы так просто! Не ради денег же ее украли! Если чего-нибудь потребует в обмен – то голову Хармона и Светлую Сферу!

Спаستись самому? Но как? Сбежать из Мелисона? А может, только этого злодеи и ждут?! Не хотят учинять резню в городке, на глазах у всех, вот и сделали засаду в горах, на единственной подъездной дороге. А Низу украли лишь затем, чтобы всполошить Хармона. Испугается, бросится наутек – прямо в засаду и угодит!

Можно, конечно, сбежать не по дороге, а прямо через горы, козьими тропами... нет, нельзя.

Тогда, может быть, звать на помощь? Но кого? Конечно, бургомистр Корнелий и его верный констебль числятся в друзьях Хармона, да много ли от них проку? Два недотепы против тайного ордена!..

Ну, а может, Низа все-таки сбежала сама? Тогда надо нанять людей – мальчишек каких-нибудь, пастухов – чтобы выследили и вернули. Но Хармон не сделал и этого. Во-первых, проснулся он поздно, а ночь была лунная, так что Низа вполне могла сбежать еще в полночь и получить десять часов форы. Как теперь догонишь!.. Во-вторых, козьих тропинок в горах много, надо слать людей россыпью, по одному на каждую тропу. А чем кончится для преследователя встреча с Низой один на один – вопрос тревожный. Она – дочь шаванов, познала множество бед и доведена до отчаянья. Ясно, что будет драться.

Вот и выходило: нужно что-то делать, а нечего. Хармон приказал слугам запереть все двери и ставни, собраться в холле, вооружиться кто чем может. Заперли, собрались, вооружились. Ну и армия! Садовник с лопатой, два лакея с кочергой и топором, кухарка с ножом для мяса. А Онорико вовсе нету – он уехал в Лаэм за новыми веществами для шара, а мастер Гортензий... Стоп, где мастер Гортензий?

Не зная о переполохе, изобретатель вместе с помощником-студентом трудился в мастерской. Хармон прибежал к ним, чтобы призвать к оружию, но тут его осенило.

– Друг Гортензий, в каком состоянии наш небесный корабль? Можем сейчас поднять его в воздух?!

Сперва Гортензий даже не понял сути просьбы. Шар находился в состоянии... супа. Он варился в котле с тем особым составом, который должен сделать материю непроницаемой для водорода.

– Погасите этот гуляш! – приказал Хармон. – Вытащите и высушите шар, готовьтесь к полету!

Гортензий стал спорить, пересыпая речь отборной шиммерийской бранью. Если ткань не доварить, вся работа пойдет ишаку в задницу, и придется начинать заново. Мокрый шар полетит не лучше мокрого индюка, а сушить его – дело на два дня. Это ж в котле не вода, а

алхимическое варево, пусть подавится им Темный Идо. Оно жирное и липкое, а может, еще и ядовитое – в книге неясно написано. А высушить шар – только полдела, вторые полдела – надеть на него сеть из веревок. В прошлый раз с пятью помощниками целый день убили на эту сетку, пусть повесится на ней Темный Идо!

Хармон заорал в ответ. Он здесь, тьма сожри, хозяин, а если хозяин, тьма сожри, приказывает, то ты берешь и делаешь, иначе хозяин тебя утопит в алхимическом вареве, пусть подавится Темный Идо твоим утопленным трупом!

Гортензий уловил настроение, прикрикнул на студента, и вместе они принялись вытаскивать из котла жирный, липкий, возможно, ядовитый шар. Хармон послал лакеев им в помощь, а сам боязливо вышел на балкон оглядеть окрестности. Никаких подозрительных людей вокруг поместья не виделось. Собственно, людей и вовсе не было: шло к полудню, городок привычно притих, чтобы оживиться ближе к вечеру. Похитители Низы зачем-то давали Хармону время. Возможно, надеялись, что он, готовясь к бегству, полезет за Светлой Сферой и выдаст положение тайника. А может, похитителей и вовсе не было, и Низа сейчас одна-одинешенька бредет через горы. Интересно, пожалела она уже о своем решении? Вспомнила ли Хармона, подумала вернуться?..

Так или иначе, шар придется весьма кстати! На нем легко и уйти от погони, и высмотреть Низу с высоты. Лишь бы только она сбежала в ту сторону, куда ветер. А так оно, скорей всего, и есть: облака, как и прежде, плыли на Запад.

Хармон трижды заходил к Гортензию, чтобы поторопить, и трижды задумывался, не взять ли Сферу из тайника, но решил сделать это перед самым взлетом. Кухарку, как самую бесполезную из бойцов, послал к бургомистру спросить, не являлись ли вчера в город подозрительные чужаки? Кухарка была родом из Мелисона и при любом случае заходила поболтать к сестре. Хармон как мог настраивал ее, чтобы сегодня она шла напрямиком к бургомистру:

– Женщина, если не хочешь найти здесь, в поместье, шесть смрадных трупов, изъеденных мухами, то ради всех богов беги скорее!

Однако кухарка все-таки решила перемолвиться словечком с сестрой – хотя бы рассказать, что скоро она может лишиться места, ведь хозяин превратится в труп, поскольку варит небесный шар в ядовитом котле. Сестра взяла немного времени, чтобы надлежащим образом прокомментировать новость: хотя славный Хорам и не лаэмец, но он прожил месяц в Лаэме, вот тамошний дух к нему и прицепился. Слава богам, что он варит только бездушный шар, и никого не травит, кроме самого себя. От того, кто пожил в Лаэме, можно ждать гораздо худшего!

Словом, кухарка вернулась в сумерках, когда шар уже всю сушился, развешенный между деревом и оградой, роняя наземь жирные едко пахнущие капли. На диво, кухарка вернулась не пешком, а в повозке. Правил бричкой отец Элизий, подле него на козлах сидела... Низа!

Всю историю Хармон узнал от священника, ведь Низа, как и прежде, не говорила больше пяти слов.

Она покинула поместье не в полночь, а на рассвете, с единственной целью – прогуляться в одиночестве и ощутить свободу. Бежать на родину она и не думала, вполне понимая безнадежность затеи. Низа прогулялась по утреннему, еще безлюдному Мелисону, кое-где осторожно позаглядывала в окна, увидела, как завтракают добрые горожане. Двинулась за город в оливковую рощицу, послушала птиц, вдыхая чудные южные запахи. За рощицей нашла погост и подивилась дикому имперскому обычаю – скармливать мертвецов червям. Вышла к речушке, скинула обувь, прошла быстрой, обжигающе холодной водой. Вернулась в городок и там что-то еще делала, где-то гуляла – священник воспринял все это с ее слов, то есть, отрывчато и

смутно. Факт тот, что после полудня девушка обнаружила церковь и зашла туда, и спросила отца Элизия:

– У вас есть жертвенный алтарь, чтобы поговорить с Духом Степи?

– Прости, у нас нет такого алтаря, – ответил священник, – но я могу попросить святую Софью, самую добрую из Праматерей, чтобы передала Духу твои слова.

Он подвел Низу к иконе Софьи Величавой и прочел молитву. Затем и Низа стала молиться, ничуть не смущаясь присутствия священника. Видимо, в Рейсе молитва – дело публичное, а не сокровенное. Отец Элизий мало понял из ее слов, Низа использовала наречье Степи, но увидел, что девушка одинока и несчастна. Когда она окончила молитву, священник сказал:

– Ответь мне, дитя: ты знаешь свое место в мире?

– Я живу у славного Хорама.

– Ты почитаешь тех, кто стоит выше?

– Славного Хорама я уважаю.

– Усердно ли ты трудишься?

– Хочу больше, но он не позволяет.

– Получаешь удовольствие от страданий?

Она не поняла вопроса.

– Берешь ли ты чужое?.. Добиваешься ли выгоды обманом?..

Отец Элизий прошелся по всем заповедям, а тогда сказал:

– Вижу, дитя, что ты не всегда благочестива, тебе нужно поработать над своей верой.

Но ты – хороший человек, а значит, боги о тебе позаботятся. Просто верь и живи, и все само образуется, а печали пройдут.

Низа так была рада его словам, что даже слезы выступили на глазах. А потом сама, по собственному желанию, взяла и рассказала, как провела день. Конечно, сбивчиво и комкано, но все ж Элизий понял, что Низе понравилась пахучая роща и холодная речка, и как семьи завтракают все за одним большим столом, даже дети; а погост не понравился и слегка напугал. Тогда священник спросил, не хочет ли Низа поужинать за большим столом с ним, его супругой и тремя дочками. Только тут она спохватилась:

– Наверное, славный Хорам ждет меня к ужину. Он любит кушать на балконе, и чтобы я наливала вино.

Вот тогда отец Элизий велел запрячь бричку и взялся отвезти Низу домой, а по дороге они встретили кухарку, которая уже шла от мастера Корнелия с утешительным известием: никто подозрительный не приезжал в Мелисон ни вчера, ни позавчера, ни третьего дня.

Как это бывает с людьми, пережившими сильный и напрасный испуг, Хармон обозлился. Конечно, он скрыл чувство до тех пор, пока священник не покинул дом, а тогда напустился на Низу.

– Что ты творишь?! Как могла так поступить?! Взяла и сбежала, как последний преступник! Хоть бы предупредила кого! Я так переполошился, что места себе не находил!

– Почему?

– Она еще спрашивает – почему! Да от страха за тебя, глупая! Ты хоть понимаешь, как я за тебя волновался?!

– Не понимаю, – призналась Низа.

Если бы Хармон бывал в Рейсе, то знал бы: тамошние дети уже в десять лет сами скачут куда угодно, хоть за горизонт, и родители не пытаются присматривать за ними.

– Не понимаешь! – совсем вскипел Хармон. – А что мне обидно – это ты понимаешь? Я тебя зову на прогулку – тебе плевать, а сама – пожалуйста, на целый день. Я тебя спрашиваю о том, о сем – ты только: «Да, славный», а этот Элизий спросил – все и выболтала!

Низа нахмурилась, пытаясь понять.

– Что я выболтала? Разве я выдала твои тайны?

– Сожри тебя тьма! Не в тайнах дело, а в отношении, можешь понять? Я для тебя как чужой, а Элизий – как родной, хотя ты его в первый раз видишь!

– Я ничего не понимаю, славный.

– Мы даже чертов шар выловили из котла, чтобы тебя искать! Могли отравиться, между прочим! А ты себе в рощице гуляла, в речечке купалась! Ты не ребенок, вот и думай перед тем, как делать! Хочешь куда пойти – скажи мне!

– Но тогда ты пойдешь со мной.

– А тебе бы без меня? Неблагодарная! Ты помнишь, сколько я для тебя сделал?!

Если бы Хармон бывал в Рейсе, то знал бы: подобных слов не стоит говорить шавану. Дети Степи сами помнят свои долги и непременно платят, если хотят попасть в Орду Странников. Но ткнуть шавана носом в его долг – все равно, что посмеяться над гербом северного рыцаря.

– Ты делал то, что сам хотел. Сегодня я сделала, что захотела.

Не слова Низы впечатлили Хармона, а движение. Машинально, не глядя, девушка сжала стеклянный кубок с вином. Не так, как держат чашу, а – как оружие. В мыслях увиделось Хармону, как Низа одним быстрым ударом отшибает ножку кубка, оставив в руке острый осколок, похожий на стилет.

Он не знал, чего испытал больше – злости или испуга.

– Поди прочь! – рявкнул Хармон, и Низа ушла.

Тогда испуг исчез, осталась одна злость. Хармон еще долго не мог прийти в себя. Полли никогда не позволяла себе такого! И ни одна из трех женщин, что были у Хармона прежде. Могли возмущаться, браниться, могли удариться в крик и слезы – на то и бабы в конце концов. Но чтобы вот так зыркнула глазом хищного зверя, сжимая оружие в руке, – никогда такого не было, ни одна не смела!

Первым порывом Хармона было прогнать Низу. Сказать: хотела свободы – так иди себе. Посмотрим, далеко ли уйдешь, скоро ли приползешь назад, поджав хвостик. Вторая мысль была еще лучше первой: сделать Низу служанкой. В конце концов, кто она здесь? Альтесса? Ничего альтесного не делает, только выкобенивается. Так пусть хотя бы отработает свой хлеб! Дом большой, возни с ним много.

Однако Хармон не сделал ни того, ни другого. Не из благородства – ничего неблагородного он не видел в том, чтобы за уплаченные деньги ждать службы и уважения. Но вот какая закавыка: дерзкая эта Низа понравилась Хармону. Прежде она была лишь утешением для его совести, несчастною сиротой, которую хотелось облагодетельствовать. Сейчас предстала в ином обличье – и мужское естество зашевелилось в Хармоне.

Он решил спросить совета. Глубокой ночью спустился в винный погреб, открыл заветную нишу в стене. Расставив квадратом четыре свечи, поместил Светлую Сферу по центру – так, чтобы огоньки отражались в ней со всех сторон. Крутанул.

Как раз в этот момент за тысячи миль отсюда бывший хозяин Сферы, граф Виттор Шейланд, прощался с супругой. Он скрывал за словами любви раздражение и гнев, похожий своею природой на гнев Хармона. Несмотря на безумную цену, уплаченную графом, Северная Принцесса покидала его, чтобы оказаться в столице подле брата.

Огоньки четырех свечей заиграли в Сфере и стали четырьмя сотнями, четырьмя тысячами, четырьмя миллионами огоньков. С головой нырнув в эту красоту, Хармон ясно понял: нужно показать Низе. Ведь он до сих пор не показал ни одной живой душе! Низа увидит – и растает. Если ее так трогает простой шар с горячим воздухом, что и говорить о творении богов!

Только нельзя это делать с наскоку, нужно выбрать подходящий момент. Когда Низа будет вести себя хорошо, проявит кротость и благодарность. Тогда, в награду, Хармон покажет ей Сферу – и Низа поймет, какому исключительному человеку она досталась.

Но утром пришло известие, которое надолго отвлекло Хармона от мыслей и о НIZE, и о Сфере.

Спозаранку выйдя на балкон, Хармон увидел во дворе всех домочадцев, сгрудившихся около Рико. Он только вернулся из Лаэма и привез свежие новости. Лакеи мрачно скребли затылки, кухарка все переспрашивала и не могла взять в толк, мастер Гортензий рвал на себе волосы.

– Император умер! В столице правят северяне! Что же будет теперь?

* * *

Целый следующий месяц Хармон прислушивался ко всем новостям, рассказам, сплетням, долетавшим из Фаунтерры. Владыка Адриан погиб, его войско разбито, министры разбежались. На трон села Минерва, но правит герцог Ориджин, повсюду наводит свои порядки. Что теперь будет? Эта тема надолго завладела умами добрых горожан Мелисона. Споры велись повсюду – на улицах, в кабаках, в рыночных шатрах, за обеденными столами.

Одни говорили: Ориджин на этом не остановится. Когда-то светonosцы уже пытались завоевать весь мир. Правда, то были не Ориджины, но тоже чертовы агатовцы, так велика ли разница? Корона держала северян в узде, а теперь она обессилела, и нетопыри попрут войной на всех. Значит, нам, южанам, лучше объединиться со Степью и вместе держать оборону. Но принц Гектор, как на зло, дерется с шаванами в Литленде.

Другие возражали: герцог Ориджин как раз молодец, это император был тираном и еретиком, попирает заповеди и сжигал людей. Хорошо, что Ориджин его сверг. Но одна беда: Перстов-то он не нашел! Значит, Персты Вильгельма остались в руках адриановых псов, они рыщут по свету, и скоро снова где-то прольется кровь. Лучшее, что может сделать принц Гектор, – это закрыть все порты и не впускать в Шиммери никаких чужаков! Но каково тогда славным купцам? Куда поденутся прибыли от торговли?

Третьи твердили: да что вы заладили – Ориджин, Ориджин! Герцог Эрвин – воюка, как все северяне. Скучно ему будет возиться с законами да указами, отдаст всю державную волокиту Минерве. А Минерва кто? Девица восемнадцати лет, еще и монашка! Ничего она в политике не смыслит, ни одного толкового указа не выдаст, и скоро все пойдет наперекосяк. Лучше всего будет (тут снижали голос до шепота и принимались дико вращать глазами) да-да, лучше всего – отделиться от Империи Полари. Пускай они себе в Фаунтерре делают что хотят, а мы, южане, лучше разберемся, как нам жить.

Спорили так оживленно, что схватывались на ноги, перебивали друг друга, иногда даже лупили кулаками по столу. Несколько видных дам пригрозили перестать общаться со всеми глупцами, кто не разделяет их точку зрения. Один извозчик протаранил другого и отбил колесо у его брички – и поделом этому прихвостню диктатора! Для тихого Мелисона то был исключительный накал страстей, граничащий с хаосом. Бургомистр созвал тайное совещание в составе своей жены, констебля, отца Элизия и трех трактирщиков. Но мерзкие шупальца раздора прокрались и в стены ратуши. Бургомистр с женой были консерваторами и боготворили Ориджина, добродушный отец Элизий не имел ничего против Адриана, констебль ненавидел мятежи в любом их проявлении, а один из трактирщиков твердо стоял на идее независимого королевства. Далеко за полночь, после четырех часов дебатов, своевольный трактирщик покинул совещание, напоследок хлопнув дверью. Констебль был подавлен властным авторитетом бургомистра и хмуро утих, остальные кое-как пришли к согласию. Всех объединила свет-

лая мысль: слава богам, что король-пророк Франциск-Илиан наконец-то покинул свою келью! Скоро он вернется в Лаэм и разберется во всем, и примет наилучшее решение. Какое – сложно сказать наперед, но это точно будет самый мудрый выбор. При помощи двух оставшихся трактирщиков эта идея разлетелась по городу и принесла временный покой.

Но в середине февраля пришло новое жуткое известие: принц Гектор потерпел поражение от шаванов и бежал из Литленда. Мелоранж осажен и скоро падет.

В этом было плохо категорически все. Победа шаванов ставила крест на идее союза с ними – а значит, в случае произвола северян каждый будет сам за себя. Литленд воспринимался шиммерийцами как младший брат: поменьше, победнее, послабее, но – тоже Юг. Его несчастье удручило многих, даже тех, кто в жизни не уезжал дальше пяти миль от Мелисона. Но больше всего потрясло людей само поражение Гектора. Мелисонцы не могли представить никого могущественней, чем блистательный принц. Ну, разве что император, да еще, быть может, Ориджин. Но чтобы какие-то шаваны растоптали величие Юга!.. Боги, что же будет теперь? Как пророк справится со всем этим?

В те дни горожане стали весьма мрачно поглядывать на Низу. Она приповадилась ходить на ужин к отцу Элизию – иногда вместе с Хармоном, иногда одна. Но теперь вне хармонова поместья стало очень неудобно. Горожане тыкали в нее пальцами, бурчали: «Глядите, одна из этих, всех бы их на цепь посадить». Если рядом был Хармон, кричали ему: «Берегись, славный Хорам, как бы она тебя не зарезала! Лучше увези ее в Лаэм, продай кому-нибудь». Низа испросила у него разрешения носить нож. Хармон ужаснулся и запретил – и нож, и выходы в город. Ждал в ответ дерзости, но Низа сказала с грустью:

– Когда мы улетим отсюда?

– Я бы сам хотел знать, – мрачно буркнул Хармон.

С шаром дело было дрянь. Ежедневно мастер Гортензий просил денег. На новые зелья взамен истраченных впустую, когда шар высушили. На особо тонкую материю. На легкие и прочные канаты для сети. На большую корзину, на сосуды для масла, на особенную печку. На идову кислоту – прошлой не хватило. На пузыри, в которых хранить водород.

Согласно своей привычке, мастер Гортензий вел тщательный учет, из коего явствовало, что Хармон истратил на небесный корабль уже четыреста двадцать три эфеса, две елены и пять глорий. Сия чудовищная сумма превышала накопления Хармона за всю жизнь до продажи Сферы. Даже по нынешним меркам она была весьма ощутима: почти пятая доля целого его состояния. В душе торговца каждый день шла борьба.

Новорожденная часть его души – светлая, летучая – говорила, что деньги неважны, сумма не имеет значения, а важно лишь счастье Хармона и радость Низы, и чувство великого славного дела. Взрослая часть отвечала: ха-ха, вот деньги кончатся – тогда будет радость со счастьем! Каждая вложенная монета должна давать прибыль – это святая святых и основа основ. Если деньги не делают новых денег, то они тают, как снег на солнце. Пока был жив Адриан, эта часть Хармона удовлетворялась расчетом: владыка любит прогресс, владыка купит шар, все расходы вернуться втройне. Теперь Адриан погиб, в столице заправлял герцог Ориджин – консерватор и противник реформ. Какая там продажа! Просто лететь в Фаунтерру – уже опасно: схватят и осудят за ересь. Только Праматерь Мириам умела летать в небесах, а простые смертные должны знать свое место! Да и не выйдет уже долететь до столицы: путь лежит над Литлендом, а он захвачен шаванами. Сядешь пополнить запасы – очутишься в лапах степных зверей. Что же делать-то?

А мастер Гортензий, как ни в чем ни бывало, просил и просил денег.

– Сколько еще? Виден ли конец? – допытывался Хармон.

– Путь науки лежит через неведомые земли, – отвечал Гортензий.

– Тьма тебя сожри! Спали тебя солнце! В какую монету это встанет? Ты говорил – триста!

– То было сказано до знакомства с магистром, который указал мне плодотворный путь полета с помощью водорода. Славный Хорам, ты же просил не лодку, а небесный галеон. Я делаю, как испрошено.

Новорожденная душа Хармона радовалась: прекрасно – отдать все ради мечты! Велики те, кто так могут. Этому и учит Светлая Сфера!

Но сей юный голос был довольно тих, а взрослый звучал все громче: ты разоришься, дурачина. Вложишь все деньги в пузырь, станешь посмешищем. Очнись! Гортензий – проходимец, только и делает, что сосет твою кровь! Прогони его, продай материю от шара, спаси что можешь!

Остальные тоже регулярно просили денег. И слуги, и кухарка, и Рико. Особенно – Рико. При каждой поездке в Лаэм он тратил гораздо больше, чем ожидалось. Рико лгал о растущих ценах, Хармон догадывался: южанин отдает деньги семье и своим кредиторам. Избавиться бы от Рико – но тогда возникнет проблема: кто еще сумеет так ловко и быстро находить в громадном Лаэме все нужные алхимические штуки? Да и к тому же, Рико – вроде бы друг Хармона. Не такой друг, какого хотелось, но лучшего-то нет.

– Дай совет, Онорико, – спросил его Хармон, – что делать с небесным кораблем? Он столько денег жрет, что жуть, и конца-краю не предвидится. А продать его – теперь надежды мало.

– Так брось это гиблое дело! – легко ответил Рико. – Даже горный лев может отказаться от охоты, если лань слишком уж прытка. А я тебе помогу распродать все, что можно. Водород купят по хорошей цене, ведь Онорико знает несколько видных лиц ученого сообщества. Одному алхимику подыскал альтессу, у другого дочь выдал замуж – вот и вписался в научные круги!

– Мне Низу жаль. Для нее этот шар – единственный лучик света. Ничто другое ее не радует.

– Тогда веди дело до конца. Нельзя бросать деньги в пустоту, но тратить на счастье своей женщины – и можно, и нужно. Я б для Ванессы и тысячу не пожалел!

– Низа – не моя женщина. Я просто... ну, помогаю ей.

– Тогда я не вижу фундамента под башней твоих сомнений. Ты ничего не должен Низе. Дал пищу и кров – уже пускай радуется. А про лучик света ты глубочайшим образом неправ. Юные девицы – они такие: тут плавают в пучинах мировой скорби, а тут заметили горячего паренька – и уже танцуют от восторга. Не бывает у них единственного лучика: сегодня один лучик, завтра другой, потом третий. Иное дело – спелые женщины, как моя Ванесса. Если дама родила детей, то прочно встала ногами на землю и уже не мечется от любого ветерка. У нее все серьезно, чувства вес имеют: если радость – то радость, если грусть – то грусть.

Хармону подумалось, что Низу сложно обвинить в переменчивости – ее любовь к полетам ни капли не ослабла за полгода. Но сказал другое:

– Не только в Низе дело. Я и сам уже будто сроднился с кораблем. Привык делать нечто этакое, необычное, чего никто другой не может. Вроде как провожу царапинку на вселенской спирали. Когда помру, что-то еще останется от меня, кроме денег.

Онорико нахмурился:

– Ты брось такие речи, славный! Ни один мужчина не должен думать о смерти раньше времени. Это значит – пока твой петушок еще может кукурекать, рано тебе на Звезду! А что ты сотворишь и где оно останется – разве это важно? Главное – жить счастливо, чтобы сердце пело, а в карманах звенело!

– Не знаю, брат, – хмыкнул Хармон. – Мне и делать-то нечего, если шар забросить.

– А я тебе подскажу! Отличную идею имею! Мы найдем корабль и пойдем прямо в Литленд. Шаваны одержали победу – значит, у них много трофеев: оружия, одежды, коней, женщин. Выкупим у них по дешевке, привезем сюда, продадим впятеро!

– Наживаться на войне? Торговать людьми?..

– Нет-нет-нет, славный! Наживаться будем не на войне, а на невеждах-лошадниках, которые вещам цены не знают. А торговать – не людьми, но счастьем! Представь ужас бедных дочерей Литленда, взятых в плен этими дикарями! Мы же их спасем, обеспечим достойную жизнь, привезем в солнечный Лаэм, продадим в хорошие семьи. Все будут счастливы: и девушки, и покупатели, и мы.

Так все это было складно, так созвучно голосу взрослой части души, что Хармон решил повременить. Год назад он бы поступил именно так, как советовал Рико. Но Хармон знал, что изменился за год.

* * *

Было восьмое марта – день Предвесны, за восемь дней до Весенней Зари. В Фаунтерре давали премьеру «Каррога и Лиолы», которая обернулась позором молодой императрицы. А в Мелисоне мастер-истопник Гортензий доложил своему нанимателю:

– Водородный шар, как бы это сказать, хм... Он готов.

Хармон не поверил ушам:

– Чего-оо?

– Пора спустить на воду наш галеон и совершить испытание!

На заднем дворе поместья возвели башенку с крюком на длинной балке, вроде виселицы. На крюк этот и вздернули шар. Предварительно Гортензий и трое слуг целый час топтались по шару, чтобы выгнать весь воздух, теперь он свисал длинной тощей тряпкой, будто плащ без человека внутри. На нижней части шара имелась кожаная юбка и круглое горлышко, закрытое лоскутами жесткой кожи. На земле у этого горлышка выстроились в ряд пузыри с водородом. Они были обшиты железными лентами, чтобы не взлетали; у каждого имелась заостренная трубка вроде клюва. Гортензий со студентом подносили пузырь к шару и вгоняли клюв в горловину. Что-то поворачивали на пузыре, у основания клюва, – слышалось шипение, шар начал трепетать. Хармон не мог отделаться от чувства, будто шару ставят клизму. Чтобы весь водород перешел в шар, Гортензий и студент хорошенько выжимали пузырь, потом отбрасывали его и брали следующий.

За действием следили все обитатели поместья и стайка городских мальчишек, оседлавших забор. Мальчишки от любопытства забыли дышать. Лакеи спорили, что случится быстрее: шар лопнет или загорится. «С чего бы ему гореть?» – «А знаешь, как оно с алхимией бывает! Только бах, и все!» – «Не ври, если не знаешь. Лопнуть – лопнет обязательно, а загорится – это уж нет». Онорико сказал, что водородные пузыри оплодотворяют шар, как женское чрево. Низа тихонько спросила:

– Славный, а куда мы полетим?

– Сегодня – никуда, – ответил Хармон. – Еще многое не готово для большого полета. Поднимем шар на веревке футов на сто, убедимся, что держится в небе, да и опустим.

Девушка приуныла, и Хармон погладил ее по плечу:

– Ничего, дорогая, уже скоро. Пара недель – и полетим!

Тем временем шар ожил. Наполненный всего на четверть, складчатый и дряблый, он уже тянулся в небо.

– Пора снимать с крюка, – заявил Гортензий.

Недолго поспорили о мужской смелости, и Онорико вызвался залезть на башенку. Залез, на четвереньках прополз по балке и снял с крюка петлю на макушке шара. Шар тут же выскользнул из-под балки и повис в воздухе, натянув веревки. Один из мальчишек присвистнул, другой грохнулся с забора.

– Славный, позволь мне сегодня, – сказала Низа. – На сто футов...

– Прицепи корзину, мастер Гортензий! – приказал Хармон.

– Зачем она нужна? Только водорода больше пойдет.

– Испытаем груженный, пушай поднимет человечка.

Гортензий дал команду слугам, и те приволокли корзину. Ее привязали к концам сети, накрывавшей шар, и тот сразу просел, но скоро снова воспрял, впитав несколько пузырей водорода.

– Сажай человечка, – велел Гортензий.

Хармон за руку подвел Низу к корзине. Однажды она уже поднималась в небо – когда проверяли ветер на высоте, – но тогда с нею был Гортензий. Теперь девушка села в корзину одна. Видимо, это много значило для нее. Лицо Низы стало светлым, как у младенца, глаза засияли предчувствием чуда.

– Что мне делать?.. – робко спросила Низа.

Гортензий ответил:

– Да ничего, смотри себе и радуйся! Мы тебя поднимем, а потом опустим.

И слуги стали помалу травить веревку.

Под свисты мальчишек шар пополз вверх. Низа притаилась в корзине, крепко сжав поручень.

– Не лопнул, – отметил лакей.

– Дай срок, – возразил второй.

Корзина поднялась уже выше голов. Хармон поймал взгляд Низы – она беззвучно смеялась от счастья.

– Трави еще!

Вращая маховик лебедки, слуги выпускали трос ярд за ярдом. Шар поднялся выше башенки, выше деревьев, выше дома.

– Как себя чувствуешь? – крикнул Хармон.

– Все очень хорошо! – Низа помахала ему и Гортензию, и мальчишкам.

И вдруг порыв ветра метнул шар в сторону. Трос закрипел, лебедка вздрогнула.

– Стопори! – крикнул Гортензий.

Слуга – новичок в полетном деле – отпустил маховик и потянулся к стопорному рычагу. Шар дернулся на ветру, маховик вырвался из рук второго слуги и с бешеной скоростью завертелся. Шар понесся прочь от поместья.

– Держи! Лови! Улетит! – завопил в панике мастер Гортензий.

Слуги пялились на лебедку, боясь подступить – с такою скоростью она крутилась. Рико кричал с башенки:

– Остановите ее, ишачьи дети!

Мальчишки визжали. Шар несся по ветру, быстро уменьшаясь в размерах.

Вот в эту минуту Хармон понял, что ни капельки не любит Низу. Взбесившийся небесный корабль нес девушку неведомо куда, и если бы Хармон любил, то сейчас орал бы от ужаса. Но он не утратил покоя. Хладнокровно огляделся по сторонам, нашел глазами нужный предмет, мысленно сказал Низе: «Пускай не люблю, но и не дам тебя в обиду». Схватил лопату, подбежал к лебедке и огрел по стопорному рычагу. Лебедка грохнула, закрипела, затрещала – и прекратила вращение.

– Так-то!

Довольный собой, Хармон отбросил лопату. Секунду спустя веревка выбрала всю слабинку, натянулась как струна и порвалась. Шар достался ветру.

Хармон застыл истуканом и глядел, глядел вослед. Небесный корабль уменьшился до размеров яблока, ореха, горошины.

– Чего все стоите, спали вас солнце?! – кричал Рико. – Быстро в погоню! Она же разобьется о скалы! Живей в седло! Дайте мне коня!

Не было тут никакого коня, да и смысла в нем не было: ветер не догонишь.

Пускай не любовь, но что-то все же жило в сердце Хармона. В глазах у него потемнело, голова закружилась, все подернулось пеленой. Он еле мог видеть пятнышко шара на синеве неба. Да и к лучшему, наверное: не стоило ему видеть, как корабль размахнется о скалу. Хармон сел и закрыл лицо руками.

– Эй, он вроде падает! – крикнул мальчишка.

– Падает, но как-то медленно...

Мастер Гортензий хлопнул в ладоши:

– Ха-ха! Там есть клапан, чтоб стравить водород. Видать, Низа его нашла. Девица с головой!

Вечером шар нашли на восточном конце долины и телегой привезли в поместье. Низа была совершенно цела, а даже если бы сломала себе что-нибудь, то, пожалуй, не заметила бы этого. Гордость переполняла девушку, она не могла думать ни о чем, кроме одного:

– Конь, что скачет по небу! Я правила небесным конем!

Хармон попытался извиниться перед нею. Он – идиот. Коли в корзине человек, надо было привязать вторую веревку. И лебедку нельзя было резко, надо было – потихонечку. Прости, Низа, что тебе такой дурачина достался.

Низа так и не поняла, что стала жертвой несчастного случая. Она решила: Хармон намеренно порвал веревку. Она обняла его, поцеловала в щеку и шепнула:

– Спасибо, славный! Мне так повезло с тобой!

* * *

Через неделю после испытания, накануне Весенней Зари, во двор хармонова поместья въехала карета. Дорожная пыль, покрывшая белый с золотом экипаж, не могла скрыть его великолепия. В упряжке шли четверо крепких рысаков, подле возницы на козлах сидел стражник с арбалетом, на запятках – двое слуг в ливреях. Быстро миновав подъездную аллею, карета обогнула высохший фонтан и распахнула двери у парадного входа в дом. Воспользовавшись помощью слуги, из кабины вышла пара господ.

Время было послеполуденное, весеннее солнце уже давало о себе знать. Разморенный сытостью и зноем, Хармон выбрел навстречу гостям как был – в халате и сандалиях, поглаживая брюшко. Да так и застыл на крыльце, стремительно краснея от стыда. Гости лоснились роскошью. Каждая пуговка, каждая ниточка дорогих платьев была в идеальной исправности, каждый дюйм ткани отутюжен, каждый волос на голове напомажен и прилизан. Мужчина, ровесник Хармона, держался с такою привычною, вросшей в кожу уверенностью, будто владел всем, на что падал его взгляд. Женщина – достигшая, видимо, сорока лет и неоднократно рожавшая – не блистала красотой, однако была слепяще великолепна: от пяток до макушки ухоженная, пышущая истомой, благоухающая драгоценным парфюмом. Даже такой невежа, как Хармон, сразу понял, что перед ним белокровная леди, дочь белокровной и внучка белокровной.

– До... добро пожаловать, господа. Как... чем я обязан такой чести?

Мужчина улыбнулся, обнажив белоснежные зубы.

– Не стоит беспокойства, славный Хорам. Напротив, это я приношу свои извинения за неожиданный визит и прошу не скрывать, если он вам в тягость. Мы удалимся по первому вашему слову. Я – маркиз Мираль-Сенелий, вассал и помощник его милости Второго из Пяти. Со мною леди Алисия, моя белокровная супруга.

Один из слуг щелкнул зонтиком, раскрыв его над головою миледи. Хармон спохватился:
– Будьте добры, проходите в дом, укройтесь от солнца! Я распорядюсь, чтобы подали чайку.

– Вы прочли мои мысли, славный! Очень приятно, когда взаимное понимание родится с первой минуты беседы.

Маркиз вошел в дом, сделав знак слуге, и тот внес шкатулку, покрытую серебряным узором. Маркиз подал ее Хармону:

– Мой скромный дар хозяину гостеприимного дома. Мой сюзерен владеет обширными чайными плантациями, в этой шкатулке – две подлинных жемчужины, два лучших сорта чая в королевстве Шиммери. Предлагаю вам опробовать их.

– Что ж... мм... проходите в трапезную, я скажу, чтобы заварили... и принесли конфет.

– Ни в коем случае, дорогой Хорам! Никогда не портите вкус чая шоколадом и никогда не доверяйте слугам заваривать чай. Поручайте это лишь тому, кого любите. Моя милая, ты будешь столь добра?..

Леди Алисия ответила поклоном.

Они прошли в зал и расположились за столом. Все вокруг заставляло Хармона краснеть. Он стыдился самого себя – полного, потного, не знающего манер, в дурацком халате. Халат можно было сменить, но этично ли бросить гостей одних? Стыдился своего поместья – несуразно большого, пыльного, затхлого. Стеснялся стола, за который усадил гостей, – он был столь громаден, что поместилась бы свадьба. Стоило принять маркиза в уютной чайной комнате, но там в каком-то углу завелась плесень, и все пропахло ею. Стыдился, наконец, и своего одиночества – в Шиммери успешный мужчина всегда при женщине...

– Позови мою дорогую, – шепнул он своему слуге.

– Кого?..

– Низу.

– Ага.

Время, пока ждали кипятка, тянулось ужасно долго. Маркиз Мираль непринужденно говорил о погоде. Хармон не представлял, какое множество слов можно посвятить солнцу в небе. Оно, солнце, не мерцает на закате, значит, год будет сухим. Но не таким сухим, как последний год владыки Телуриана – вот тот был поистине чудовищен: если и случался дождь, то капли высыхали, не долетая до земли. А нынешний будет сух, но благодатен: на это указывают и ласточки, снежные шапки на вершинах, и запах ветра. Погода будет идеальная для виноградников, славный Монат-Эрлин еще пожалеет, что продал свои земли. Между прочим, – маркиз с легкостью жонглировал темами, – я хорошо знаю барона Монат-Эрлина. Это человек великих достоинств, и если меня попросят поставить кого-либо в пример для юношей, то первым я, конечно, назову его величество Франциск-Илиана, вторым – его милость Второго из Пяти, а уж третьим – наверняка барона. Он отлично знает цену всем вещам, от смерти до вина. А в этом и выражается подлинный жизненный опыт – дать всему верную оценку. Не правда ли, славный Хорам?..

Наконец принесли кипяток и чайные принадлежности, а за слугою пришла Низа.

– Позвольте представить вам мою... – Хармон снова покраснел, – мою... спутницу.

– Я Низа, – сказала девушка.

– Рад знакомству, – поклонился маркиз, не выказав ни тени осуждения.

Однако Хармон проклял себя: вот дурачина! Шаваны только что побили их принца – а я сажаю шаванку к ним за стол. Вся эта встреча – сплошной стыд. Скорей бы покончить с нею. Подумал – и удивился: эго ты изменился, брат Хармон! Маркиз-толстосум сам приехал к тебе, а ты не думаешь, как его доходно использовать, а думаешь – как спровадить. Не узнаю тебя, Хармон Паула!

Тем временем маркиза Алисия принялась орудовать чайным инструментарием. Белые руки ее так и мелькали над столом: сюда плеснут кипятку, туда подсыпят чаю, здесь наполнят до половины, опустят, поднимут, смешают, выльют... Боги! Вся жизнь Хармон думал, что заварить чай – это насыпать его в чайник и залить кипятком. А тут развернулся ритуал, подобный алхимической реакции. И маркиз Мираль, конечно, не уставал говорить: как правильно пить чай, в какое время суток, сколько чашек, какой крепости, на какие органы он влияет и что за силу придает, как давно вошел он в обиход шиммерийцев, и какие знатные вельможи первыми открыли чудесные свойства... Спустя, кажется, час ритуал завершился, и Хармону с Низой было позволено снять пробу.

– Очень вкусно, – сказала девушка.

Чай как чай, подумал Хармон и сказал:

– Я боюсь, как бы боги не позавидовали нам и не прокляли от зависти!

Маркиз усмехнулся:

– Вы смотрите прямо в суть. Мой сеньор перед каждым чаепитием выливает одну чашку прямо в Бездонный Провал в качестве подношения богам!

Все четверо хлебнули как по команде, и маркиз с маркизой дружно выдохнули: «Аххх!», а Хармон: «Весьма!..» И только тогда – да-да, только тогда – он задался вопросом: что, собственно, эти двое забыли в Мелисоне?

– Ваша милость, простите мое любопытство: что привело в наш тихий край столь знатную особу, как вы?

Мираль-Сенелий досадливо всплеснул руками:

– Простите, простите, славный, мою случайную бестактность! Я ведь так и не сообщил, что прибыл к вам в качестве голоса моего сеньора.

Тьма сожри, кто там его сеньор?.. – беззвучно возопил Хармон. Маркиз будто прочел мысль.

– К великому счастью боги сделали меня вассалом графа Куиндара, аббата обители Максимиана-у-Бездны, Второго из Пяти. Наравне с королем-пророком Франциск-Илианом, мой сеньор – один из могучих корней разума, на кои опирается древо шиммерийской политики. Когда в государственных делах принц Гектор говорит голосом смелой молодости, мой сеньор отвечает словами зрелой мудрости.

– Для меня великая честь – принимать помощника столь знатного человека.

– А для меня – честь говорить от его имени.

Маркиз тихонько кашлянул и сделал крохотную паузу, утирая губы салфеткой.

– Славный Хорам, плох тот садовник, который, лелея и пестуя свои клумбы, не бросит взгляда на соседские. Белокаменный Лаэм является вотчиной принца Гектора, Первого из Пяти, а виннотерпкий Мелисон с недавних пор присовокупился к владениям графа Огюст-Римара, Третьего из Пяти. Мой господин, Второй из Пяти, поглядывает на то, что происходит в цветниках соседей, и потому знает, что полгода назад в Лаэме был создан некий небесный корабль, а затем куплен и перевезен в Мелисон для развития и улучшения.

Не было смысла отрицать, и Хармон кивнул:

– Все верно, ваша милость, небесный корабль куплен мною.

– И вы, как мастер славного ремесла, конечно, видите свою прибыль в том, чтобы улучшить корабль и продать за повышенную цену.

– Что ж, я имел подобные мысли...

– Мой господин желает помочь вашему плану воплотиться. Он предлагает вам тысячу эфесов.

Хармон изрядно напрягся, чтобы не дать челюсти отвиснуть. Что?! Вот так просто?! Не нужно лететь, рисковать, мудрить. Просто взять – и не сходя с места заработать тысячу золотых! Боги, бывает ли такая удача?

О, нет, Хармон-торговец был не из тех, кто верит в счастливую судьбу, потому заподозрил подвох.

– Осведомлен ли ваш славный сеньор о дурных слухах, связанных с кораблем? Горожан Лаэма весьма пугала сплетня, будто бы полет в небесах отнимает мужскую силу.

Маркиз небрежно хохотнул:

– Сплетни обычно тем более живучи, чем большая глупость ими сообщается. Люди моего господина навестили супругу мастера Гортензия и убедились, что осенью она с мужем зачала ребенка.

– А знает ли ваш господин, что небесный корабль, в отличие от морского, полностью подвластен воле ветра?

– Мой сеньор – покровитель всевозможных наук, среди которых священная физика, любимица Агаты и Янмэй, занимает исключительное место. Он знает о ветре все, что только можно о нем знать.

Нечто внутри Хармона вопило: хватит отпугивать сделку! Подмажь, похвали, ударь по рукам!

Но чем сговорчивей был маркиз, тем сильнее становилось предчувствие подвоха. Страх не давал Хармону умолкнуть.

– А что думает ваш господин о запасе хода небесного корабля? Известно, что за двадцать миль воздух в шаре остынет, и корабль опустится на землю.

– Именно это обстоятельство и удержало нас от покупки корабля еще летом, когда он только был создан. Но недавно нам случилось побеседовать с неким магистром Лаэмского университета. Мы узнали, что новый корабль будет держаться на лету за счет силы водорода и сможет покрыть хоть двести миль, лишь бы имелся попутный ветер.

Осведомленность маркиза радовала Хармона не больше, чем сговорчивость. Тьма сожри, впервые в жизни Хармон видел человека, готового так легко расстаться с тысячей эфесов!

– Я вижу, прозорливость вашего господина поистине не знает границ. Думаю, ему известно, что работы с новым шаром еще не...

– Известно, – неожиданно кратко срезал маркиз. Повисла неловкая пауза.

Хармон вздохнул:

– Что ж, я готов уступить вашей милости небесный корабль, когда тот будет готов.

Он шкуркой почувствовал, как напряглась Низа, и поспешно добавил:

– Вот только расходы, связанные с шаром, больно велики. Водород крайне сложен в производстве и хранении. При всем уважении к вашему господину, моя спутница никогда не простит мне, если я продам шар с нулевой прибылью. Я вынужден просить две тысячи эфесов, никак не меньше, да и то лишь...

Маркиз оборвал его:

– Цена в две тысячи не смущает моего сеньора. Мы согласны.

Низа ахнула. Хармон шепнул:

– Не печалься, построим себе новый. Теперь-то опыт есть, дело пойдет быстро.

Маркиз Мираль-Сенелий обладал, видимо, весьма острым слухом. Он встрепенулся, нахмурил брови, а затем расплылся в смущенной улыбке.

– Если меж двумя собеседниками зародилось непонимание, то ответственность лежит на обоих, но в большей степени – на говорящем, ибо он неумело использовал словесный инструмент. Приношу глубочайшие извинения, славный. Позвольте мне выразиться точнее. Мой сеньор желает купить не только корабль, но и саму возможность производства подобных кораблей. Он желает быть единственным небесным судостроителем в Империи Полари. Вместе с шаром вы передадите также все записки, чертежи и планы, помогающие в строительстве. Затем и вы, и мастер Гортензий дадите клятву никогда не строить новых небесных кораблей, кроме как по заказу моего господина.

Низа сжала руку Хармона. Тот откашлялся:

– Гхм... ваша милость, я решительно не понимаю, какой будет вред Второму из Пяти, если я построю новый корабль на радость моей спутнице. Я, конечно, согласен продать и чертежи, и записки, но один-то корабль хочу сделать для себя. Могу поклясться, что никто не станет летать на нем, кроме меня, Гортензия и Низы.

– Славный Хорам, Второй из Пяти потому и слывет мудрецом, что не всякому смертному дано проследовать путями его мысли. Вы не понимаете вреда, и я не понимаю, однако же воля моего сеньора выражена ясными словами: единственный и исключительный. Если вы сделаете второй шар для себя, то мой господин не будет ни единственным, ни исключительным судовладельцем. Это ему не подходит.

Горячие девичьи впивались в ладонь Хармона. Две тысячи эфесов, – думал он. Но небесный корабль. И Низа. Но две тысячи.

– Дайте мне время осмыслить, ваша милость, – выдавил Хармон.

– О, конечно! Решение в спешке – верный признак легкомыслия. Но прошу вас при раздумьях учесть: если отклоните предложение, мой господин расстроится.

Внезапно остатки чая высохли во рту Хармона.

– Ваша милость... изволит мне угрожать?

– Боюсь, славный, в данном случае ответственность за непонимание лежит на вас, ибо вы ошибочно воспринимаете смысл слов. Угроза – это перечисление неприятных событий, что могут случиться с вами в будущем: к примеру, разорение, потеря имущества и телесного здоровья, унижение, боль, утрата близких. Я не упоминал ничего подобного, а лишь просил учесть чувства моего сеньора. А также тот факт, что он – второй по могуществу человек на Юге.

Хармон не знал, что ответить. Ни словечка не шло на язык. Хармона терзала жажда, и он все сосал край опустевшей уже чашки.

Маркиз Мираль-Сенелий благодушно усмехнулся:

– Простите, славный, что мы отняли столько времени. Позвольте откланяться. Через несколько дней я пришлю человека за ответом.

Свидетель – 1

Конец марта – начало апреля 1775 г. от Сошествия Остров Фарадея-Райли

Кончался март 1775 года от Сошествия. Империя Полари отметила праздник надежды – Весеннюю Зарю. В городах и селах люди желали друг другу успешных начинаний, делились планами и мечтами, старались положить начало чему-нибудь важному: закладывали фундаменты домов, шли наниматься на службу, писали первые строки важных посланий, заказывали платья у портных, мечи – у кузнецов. Вручали близким маленькие трогательные подарки и говорили: «Пусть все сбудется, что мечтается!»

Лечебница Фарадея и Райли праздновала не хуже всех. Пациентов на день освободили от процедур и вывели на долгие прогулки. В торжественной речи магистр Маллин сказал:

– Сегодня мы начинаем новый этап важнейшего для всех нас дела: совершаем первый шаг новой мили на дороге исцеления! Сей путь не легок, но с помощью взаимной заботы, поддерживая друг друга лучами любви, мы вместе пройдем его. Пусть сбудется все, что мечтается. Пусть свершится исцеление!

Пациенты хором повторили пожелание, и еще много раз за день говорили его друг другу при каждой встрече.

Этой ночью Дороти Слай из Маренго впервые не увидела кошмаров. Из ее живота не росли руки и губы, она не тонула в море щупалец, не растворялась в щелочи, не убегала от чудовищ, катящихся по рельсам. Она легла и закрыла глаза, холодея от предчувствия... и проснулась на рассвете – свежая, бодрая, счастливая. Ни один демон не посетил ее. Разум был легок, свободен от метаний, ненужных мыслей, мучительных осколков памяти. Терапия, наконец, возымела действие: Дороти была чиста, как белый лист.

– Сбудется все, что мечтается! – пожелала она своим соседкам.

Утром после Весенней Зари Дороти Слай начала новую жизнь. Все, происходящее в лечебнице, больше не встречало в ней никакого сопротивления. Дороти открылась всему и все приняла как данность. Так младенец познает мир, чтобы приспособить себя к нему.

Дороти ночевала в палате с двумя соседками: молчаливой Кейтлин-Карен и болтушкой Аннет. Кейтлин-Карен была страшна. Не уродлива, нет – как раз останки красоты еще присутствовали в ней. Пугало сходство живой пока Карен с будущим ее трупом. Она никогда не совершала лишних движений и не раскрывала рта без крайней необходимости, а в постель ложилась полностью одетой, как в гроб.

Вторая соседка, Аннет, говорила так:

– Рассказываю! Смотри: я – Аннет. Другого имени у меня нету, говори просто – Аннет, и я пойму. Вон там на койке лежит Карен, а другое имя – Кейтлин. Между нами Карен, а для этих – Кейтлин. Понимаешь?.. Ой, вижу, ты не запомнила, но я потом напомню, ты не волнуйся.

И верно: Аннет повторяла примерно то же самое каждым утром, стоило Дороти открыть глаза и посмотреть на нее.

Кроме того, Аннет давала много полезных советов, их Дороти принимала с благодарностью:

– Смотри: кормят утром и вечером. Ведут в трапезную, там есть мужчины и много еды. Мужчин нельзя трогать, чужую еду нельзя брать. За это будет про-це-дура. Ты запомнила? Смотри дальше. После завтрака идет прогулка. Бегать нельзя, ничего странного делать нельзя. Если встретишь мужчину – не трогай. Ничего с земли не подбирай, за это будет про-це-дура. Запомнила? Если нет, то не стесняйся, спроси, я все повторю. Смотри еще: после прогулки

идет работа. Тебя спросят, что умеешь, и ты скажи честно. Тебе дадут работать – ты работай. Портить ничего нельзя. Сделать надо побольше, а лекарям – кланяться, а если что спросят – сразу отвечать. Ты запомнила? Смотри еще. Перед завтраком и после ужина – про-це-дуры. Их дают всегда. Если ты плохая – их много, если хорошая – мало. Если сделаешь приятно лекарю – очень мало. Но сама не предлагай, а то будет про-це-дура. Они предложат – тогда делай, а сама – нет. И последнее: молиться здесь надо по-особому. Они спрашивают, а ты отвечаешь. Они: «Где мы?» – ты: «В обители любви и заботы». Они: «Зачем мы здесь?» – а ты: «Чтобы лечиться». Они: «Куда мы идем?» – ты в ответ: «К исцелению!» Ты запомнила? Если нет, я повторю еще, ты не стесняйся...

В полном согласии со словами Аннет, каждый день начинался с процедур, ими же и кончался. Утренние процедуры зависели от того, какой метод терапии избрал лекарь. Для Дороти был предписан путь гармонии, утром ей полагались успокоительные занятия, которые уберут остатки кошмаров. В один день она перематывала клубки шерсти, в другой спросонья принимала паровую ванну, в третий – расчесывала других пациенток, в четвертый – хором с ними твердила девиз лечебницы: «Нас терзает душевный недуг. Мы идем к выздоровлению. Мы в обители заботы, где нас любят и принимают». Сотню раз подряд, до полного растворения в словах.

Вечерние процедуры, в противовес утренним, зависели от тяжести симптомов, что проявились у пациента за день. Самые легкие и процедурами-то не назовешь: например, восемь раз перечислить все свои хорошие поступки за день и громко хлопнуть в ладоши, когда перечисляет другой. «Сегодня я переписала восемь страниц, дважды поела с аппетитом, приняла все процедуры и хорошо слушалась лекарей» – хлоп, хлоп, хлоп, «Дороти, ты молодец, мы гордимся тобой! Ты идешь напрямиком к исцелению!»

Более неприятные процедуры назывались «задуматься». Пациента лишали какого-нибудь права – скажем, запить ужин водой (каша тогда подавалась соленой). Запрещали лечь спать вместе со всеми (до середины ночи пациент стоял навтыжку в ярко освещенной комнате). Ставили на колени в деревянной приспособе, не дающей подняться. В течение нескольких часов пациенту полагалось думать о том, как он сегодня потакал недугу и мешал исцелению. Чтобы думал именно об этом и не сбился с мысли, раз в полчаса медбрат тормошил пациента:

– Сделай шаг к осознанию. Перечисли свои симптомы за сегодня.

– Я... э... плохо трудилась, позволила недугу отвлечь себя от работы. Еще я... из-за неосознанности воспротивилась утренней процедуре. Я забыла, что в обители заботы все делается для моего блага...

С той же целью – чтобы задумался – могли назначить лишний сеанс труда: скажем, вынести и помыть все ведра с нечистотами, перестирать исподнее лежачих больных.

Но все это было приятными мелочами в сравнении с третьей группой процедур, которые звались «удар по недугу». Когда хворь обострялась, лекари решительными мерами заставляли ее отступить. Били по недугу, например, так. Подвешивали пациента головой вниз над пропастью – это звалось «удар страхом». Часами раскручивали на маленькой карусели и раскачивали, как маятник, – «дезориентация хвори». Сжимали череп стальным обручем – «окружающее давление». Фиксировали веки и светили прямо в зрачок мигающим фонарем – «удар светом по тьме недуга». В этих случаях пациенту не предлагали задуматься – да он бы и не смог, ибо частенько терял сознание от боли и ужаса. Хворь отступала перед атакующей мощью терапии, и пациент больше не проявлял симптомов.

Что же называлось симптомами? Прежде всего, нарушения дисциплины. Отказался есть или попробовал сцапать чужую порцию. Тронул человека другого пола. Дерзко ответил на вопрос лекаря, проявил строптивость, воспротивился процедуре. Сказал «нет» по какому-либо

поводу. Плохое слово «нет» – камень на пути к исцелению. Нужно открыться терапии и всегда говорить «да».

Тяжелым симптомом считалась «странность»: бедняга сделал нечто такое, чего не ожидалось. Речь шла даже о невинных, но непривычных вещах: зачем-то прочел наизусть балладу о Терезе (наверняка это хитрости хвори), вторично за день захотел помыть руки (паническая боязнь грязи – явный симптом), отказался есть (падение аппетита – знак нездоровой апатии), не вовремя встал из-за стола (нервическая тревожность), не хотел возвращаться с прогулки (боязнь закрытого пространства). Никто, даже старожилы, вроде Карен, не могли сказать, за каким симптомом последует какая процедура. Однако справедливость всегда торжествовала: днем поступил странно – вечером получи процедуру. Однозначность и неизбежность этой связи успокаивала Дороти, виделась частью мудрого мирового порядка.

Но вот что было любопытно и непостижимо: каждому пациенту прощался некий один симптом. Дороти Слай очень плохо помнила свое прошлое, не могла назвать имен родителей и мужа, описать свой дом и улицу – и за это ей не давали процедур; но за все другое следовало наказание. Леди Карен спала в одежде и ела не больше котенка – ей сходило с рук; но попробовал бы кто другой отказаться от ужина. Аннет представлялась при каждой встрече, как при первой, и давала многословные советы – то была ее законная простительная странность, будто родовая привилегия при дворе. Парень через два стола от Дороти любил размахивать руками, как шаван хлыстом, – его тоже не наказывали, только на трапезе связывали рукава за спиной и кормили с ложки...

Но главным полем, из которого выростали как наказания, так и редкие поощрения (например, право быть аккуратно расчесанной), являлась дневная работа. Труд – мощнейший инструмент терапии, потому на него и нацеливалось основное внимание. После завтрака и недолгой утренней прогулки пациентов делили на группы и отводили туда, где до конца светового дня они предавались исцелению трудом. Одни шили либо вышивали – работа с материей развивает ум и приучает мыслить созидательно. Другие вязали – гармоничные движения спиц умиротворяют душу. Третьи полировали посуду и наносили узоры – орнаменты структурируют мышление. Четвертые (грамотные) переписывали книги – тексты приносят осознание. Ежедневная трудотерапия методично теснила недуг по всему фронту, как сомкнутый строй копейщиков бьет дикарей. Попутно производились товары, которые раз в месяц увозил на продажу парусник. Прибыль, разумеется, тратилась на благо лечебницы – дружной семьи лекарей и пациентов. Дороти прескверно помнила свою жизнь в Маренго, но была абсолютно уверена: нигде еще она не встречала столь мудрого и справедливого уклада.

Одно плохо: труд переписчика нелегко давался Дороти. К своему собственному удивлению, она умела писать. Когда кошмары отпустили ее и пришло время для трудотерапии, магистр Маллин спросил:

– Что ты умеешь?

Она не помнила своих умений и с грустью признала:

– Боюсь, что ничего... Но я сильна, могу помогать медбратьям, если нужно что-нибудь носить, поднимать...

Магистр дал ей карандаш и лист бумаги:

– Напиши это.

Сама не поняв, как так получилось, она вывела: «Боюсь, что...» И тогда воскликнула:

– Ой! Я грамотна!

То было высшее, самое дорогое умение. Дороти отправилась в писчий цех, счастливая от того, что сможет внести столь ценный вклад в благополучие лечебницы. Но в первый же день работы обнаружились препятствия.

Ее очищенный от демонов разум был медлителен и беден мыслями. Она легко и с удовольствием могла четверть часа просидеть на месте, глядя в одну точку. А вот когда прихо-

дилось думать, Дороти терялась и путалась. Поди вспомни, в какую сторону смотрит хвостик q, есть ли черта в середине z?.. Дороти не умела концентрироваться, то и дело что-нибудь отвлекало ее. Она работала одна в комнате с окошком, выходящим на скучный пологий склон, но даже там находились помехи: то сядет чайка, то проедет телега. В переписываемой книге встречались то сцены поединков, то описания танцев, то просто слово «чресла» или «перси» – все это вышибало Дороти из колеи и порождало сонмы туманных фантазий. Перед нею ставили песочные часы, чтобы напомнить о времени, – но само течение песка тоже отвлекало: Дороти прилипала взглядом к струйке и не могла вернуться к тексту. В довершение бед, она встречала кучу малознакомых слов – скажем, «сюзерен» или «альтесса». Смутное понимание имелось, но точный смысл ускользал, а без него сложно было запомнить всю фразу целиком, приходилось прыгать глазами от исходника к чистовику и назад. От этого возникали помарки, а их прощалось не больше одной на страницу. Ляпнул вторую – изволь переписать целый лист...

Поначалу рукописной терапии Дороти создавала две-три страницы за день и неизменно получала процедуру. Однако она очень старалась и никогда не говорила «нет», всем своим естеством принимая порядки лечебницы. Потому она избегала «ударов по недугу», в худшем случае получала процедуры на «задуматься»: выносила дерьмо, подмывала лежащих пациентов, рапортовала медбратам:

– Недуг наполнил меня ленью и праздностью... Мое внимание рассеяно из-за симптомов... Но я встану на путь исцеления и овладею концентрацией...

Конечно, столь сложные фразы она не выдумала бы сама, но запоминала и повторяла их за магистром Маллином, который приходил взглянуть на ее успехи.

Потом она слегка набила руку. Пальцы, наконец, вернули прежнюю подвижность, а в уме закрепился весь нехитрый лексикон исходной книги. (То был роман «Роза и смерть», весьма любимый столичными барышнями, причем любимый именно в рукописном, а не печатном виде: дрожание шрифта усиливало страсти.)

Однажды Дороти встретила в книге большое описание природы, по хитрой задумке автора сплетенное со внутренним миром героини. Дескать, за окном бушевала майская гроза (полстраницы текста о грозе), а в душе героини тем временем бушевали чувства (страничка о бурлящих чувствах). Раз проведя аналогию, автор так увлекся ею, что продолжал еще семь страниц в том же духе. Меж облаков отчаяния проглянул солнечный луч надежды; благотворный дождь романтических мечтаний пролился на рыхлый грунт суетливых будней; под солнцем влюбленности проросли нежные цветочки девичьих фантазий, но порыв штормового ветра тревог и сомнений унес лепестки... Все это было разжевано в мельчайших деталях и ужасающе скучно. Ничто здесь не увлекло Дороти, не вызвало ни чувств, ни эмоций, так что она с механической тупостью шарманки переписала все восемь страниц, не допустив ни одной огрехи. Мастер Густав, надзиравший за переписчиками, впервые остался почти доволен ею и назначил на вечер легкую процедуру: осознание успехов. После ужина полдюжины счастливых сели в кружок, восьмикратно повторили молитву лечебницы («Мы находимся в обители любви и заботы, мы идем по пути исцеления...»), а затем стали перечислять свои успехи за день:

– Я успешно и с радостью прошел все утренние процедуры. Я ел с аппетитом и гулял спокойно, не глазел по сторонам, а осознавал себя. Я сделал все, что полагалось за день, и был все время спокойным и радостным, темные мысли ни разу не овладели мною.

Лекарь Финджер хвалил докладчика, а пациенты повторяли хором:

– Ты молодец! Мы очень тобой гордимся! Ты твердо встал на путь исцеления и не собьешься с него.

Здесь Дороти услышала и запомнила мудрые слова. Тощий паренек, что наносил орнамент на посуду, сказал так:

– Я сегодня расписал четыре тарелки, и сожалею, что не больше. Но вчера я сделал только три тарелки. Радуюсь, что сегодняшней я лучше вчерашнего меня. Чувствую, как моя хворь ослабела за день.

По знаку лекаря Финджера все аплодировали этому парню. Дороти хлопала громче других и чувствовала сильнейшее вдохновение: она очень хотела стать завтра лучше себя сегодняшней! На другой день Дороти жестоко провалила норму – ливень хлестал в окно, это очень будоражило и совсем не давало работать. Она переписала всего четыре страницы, простояла ночь на коленях, но со следующего дня стала прибавлять ежедневно по полстранички. Пять, пять с половиной, шесть страниц – этого все еще было очень мало. Но каждый вечер, отчитываясь перед мастером Густавом, она с гордостью повторяла:

– Я сегодняшняя лучше меня вчерашней на половину страницы. Я чувствую, как слабеет моя хворь!

С каждым днем ей назначали все более легкие процедуры, чтобы поощрить настрой на исцеление. Перевалив за дюжину страниц, Дороти получила первую заметную награду: право работать в общем зале, рядом с другими переписчиками.

* * *

Не считая самой Дороти, их было десять. Если бы она не была младенчески бесхитростной, то поняла бы, сколь исключительное положение занимала эта десятка. Во-первых, писчий зал всегда хорошо освещался и отапливался. Во-вторых, каждому переписчику полагались: удобный стул, нарукавники, личное пресс-папье и набор для чистки перьев, подставка для книг с фиксатором страниц, тазик для мытья рук и чистое полотенце, даже кувшин с питьевой водой. В-третьих, пациенты обоих полов трудились в одном помещении, имея возможность перемолвиться друг с другом. Мастер Густав то работал на своем месте (врисовывал красные буквы в книги), то прохаживался между столами, заглядывая в страницы, – но, пока длился рабочий день, ни на кого не повышал голоса и никого не наказывал. Мудро и справедливо: резко одернешь переписчика – он сделает ошибку и должен будет переделать страницу, а лишняя трата бумаги и времени вредит всей дружной семье. Ради общего блага соблюдались и комфортные условия труда: ведь на двенадцатом часу работы переписчик должен все еще хранить ясность ума и твердость пальцев, чтобы приносить пользу обители любви и заботы. Впрочем, Дороти не понимала всех приятных особенностей здешней обстановки. Просто, сев за свой стол, она почувствовала: здесь хорошо, хочу остаться.

– Я осознаю свою хворь и иду путем исцеления. Я сегодняшняя стану лучше меня вчерашней, – на всякий случай сказала Дороти.

– Ага, – выронил Густав. – Начинай с восьмой главы.

Она закричала пером, от старательности прикусив кончик языка. Книга так удобно лежала на попире, глаза так естественно упирались в подставленную взгляду страницу, рука так легко скользила по обитой войлоком столешнице, что почти не возникало соблазна отвлечься. Пару часов Дороти работала без передышки и лишь затем подняла голову оглядеть местную публику.

Переписчики сидели по одному за столом, а столы располагались в три ряда. Пятеро женщин, включая саму Дороти, сгруппировались в левом ряду, шестеро мужчин свободно расположились в двух остальных. Одну из женщин Дороти знала: то была ее соседка по палате, леди Карен. Среди мужчин не знала никого. Конечно, встречала их за завтраком и ужином, но и только.

Просветы меж столами были невелики, так что можно было шепотом перемолвиться с соседом. Впрочем, мало кто отвлекался на болтовню – изредка обменивались парой фраз да иногда проговаривали вслух сложные словечки из книги. Нечастые эти обрывки речи почти не слышались сквозь густой шершавый скрип дюжины перьев. Дороти тоже не стала раскрывать

рга. Раз все помалкивают – значит, так нужно для пути исцеления. Вот только мужчина через проход выделялся яркими рыжими усами. Дороти невольно задержала на нем взгляд и хотела заговорить, но он заметил ее внимание, напрягся и прошипел:

– Меня звать Лоренс, и хватит на этом, ладно?

Она отвернулась и подумала: зато напишу много – получу награду. Правда, Дороти не представляла толком, о какой награде мечтает – ведь слухи среди пациентов ярко освещали лишь всевозможные процедуры и почти не касались редких поощрений. Ну и неважно: любая награда – это хорошо! Она сосредоточилась на работе.

В обеденное время обнаружилась еще одна привилегия переписчиков: им дали перерыв на полчаса и – подумать! – принесли перекусить луковые лепешки и яйца. Дороти настолько отвыкла от еды среди дня, что не сразу и поняла, как поступить со снедью. Остальные, напротив, накинулись на кушанье – привыкли, значит, к роскоши. Одна лишь Карен осталась верна своей апатии: брезгливо отодвинула лепешку, срезала верхушку яйца и медленно выела серединку. Вот и Дороти взялась за еду, как вдруг заметила на себе пристальный мужской взгляд.

– Как тебя зовут? – спросил милостивый паренек.

– А тебя?

– Меня – Нави, но это неважно, я-то на месте. Тебя зовут как?

– Дороти Слай.

– Дороти! – повторил парень. – Первая буква – четыре, последняя – двадцать семь. Два по пятнадцать, и восемнадцать, и двадцать, и восемь, полная сумма – сто семь, значит, восемь... Ты не там сидишь!

Она не поняла. Парень схватился с места и принялся шагами мерить комнату. Отшагал пять вдоль прохода и очутился у стола Дороти.

– Видишь – пять! А должно быть – восемь! Это по долготе, теперь берем широту.

Также измерив комнату шагами поперек и повторив для верности, он установил:

– По широте хорошо, сойдет. По долготе – нужен не этот стол, а тот, возле меня. Вставай, пересаживайся!

Дороти попросила оставить ее в покое, но парень не отцепился, а начал твердить, как заведенный:

– Ты не можешь тут сидеть! Числа говорят – твое место там, а не здесь. Не будет гармонии, пока не пересядешь!

Слово «гармония» встревожило Дороти, лишиться гармонии она боялась. В поисках поддержки оглядела остальных. И мастер, и пациенты наблюдали без малейшего желания вмешиваться; на нескольких лицах появились усмешки.

– Мастер Густав, – попросила Дороти, – скажите этому парню, чтобы он успокоился. Я не хочу пересаживаться!

– Ничем не могу помочь, – оскалился мастер. – Это Нави, он и мертвого достанет. Пока не сядешь, где он хочет, работы не будет.

Дороти осмотрела предложенный стол и нашла, что он ничем не хуже, даже вроде бы чище. Правда, она не хотела уступать безумцу – свихнутых здесь полно, не хватало еще под каждого подстраиваться. Придется тогда голодать, как Карен, махать руками, как тот мужик из трапезной, и пускать слюни под шарманку, как Пэмми. Но с другой стороны, «нет» – плохое слово, оно закрывает путь терапии, за «нет» могут дать процедуру...

– Ладно, так уж и быть.

Дороти пересела на новое место и оказалась по левую руку от Нави. Перерыв кончился, пациенты взялись за работу. Не прошло и полстраницы, как стало ясно, в чем подвох.

– Скажи число! – прошептал Нави, клонясь к Дороти.

Она не поняла.

– Ну ты же знаешь числа! Скажи мне. Хочу знать.

- Двадцать, – буркнула Дороти, чтобы он отвязался.
- Двадцать? – он будто не расслышал.
- Ну, двадцать.
- Нет, двадцать – неправильное число. Какое-то пустое. Дай мне другое.
- Отвяжись! Ты нарушаешь гармонию! Я не стану лучше себя вчерашней!

Дороти с надеждой глянула на мастера Густава. Тот, однако, был целиком поглощен своей работой.

- Скажи число и пиши дальше, – предложил Нави. – Пожалуйста!

Его юношеское личико было трогательно наивным. Будто он не понимал, как сильно мешает ей работать!

Тут Дороти заметила удивительную штуку: во время их диалога Нави продолжал писать. Он почти не смотрел ни в исходник, ни на перо, однако оно резво скользило по бумаге, в нужные моменты окунаясь в чернильницу. То есть, негодяй мешал Дороти выполнять ее норму – а сам не страдал!

– Шестнадцать Праматерей, – сказала Дороти. – Тринадцать Великих Домов. Тысяча семьсот семьдесят пятый год. Хватит тебе чисел?

Нави хмыкнул и дал ей покой. Но не прошло и получаса, как он зашептал снова:

- Скажи еще.
- Уже сказала, довольно с тебя.
- Сказала неважные числа. Их все знают. Назови что-то свое!
- Отцепись!
- Ну пожалуйста... Ну что тебе стоит?..

Его тон стал капризным и обезоруживающим, как у ребенка. Лишь теперь Дороти внимательно пригляделась к этому Нави – и увидела, как он молод. Значительно младше всех остальных писарей – лет семнадцать-восемнадцать, не больше. Кожа гладенькая, без щетины, без пятен. Темные волосы крутятся вихрями, глазенки блестят в нетерпении – будто у мальчишки, что ждет первого танца или поцелуя. Какой же юный, – подумала Дороти и впервые здесь, в лечебнице, ощутила жалость к кому-то, кроме себя самой.

- Какое тебе число? Мне тридцать семь лет, если уж так хочешь знать.
- Спасибо, – улыбка Нави была трогательно открытой. – А можешь еще?
- Семьдесят восемь.

Дороти не помнила, что значит это число. Оно просто хранилось мозгу в где-то рядом с тридцатью семью, но что означало – поди пойми. Однако Нави и не требовал пояснений: услышав число, он улыбнулся и надолго умолк. Дороти выкинула его из головы с его дурацкими вопросами, сконцентрировалась на «Розе и смерти» и только-только начала писать, как тут...

- Скажи еще число. Ну пожалуйста! Будь так добра!..

При этом он шуршал и шуршал пером – без запинки, без помарки. Вот негодяй!

- Зачем тебе эти числа? Успокойся, обрети гармонию, пиши молча!

– Я не могу. Прости меня, никак не могу. Число нужно. Ты же знаешь. Скажи мне число, ну пожалуйста!

Она испортила лист, начала новый, спустя абзац испортила снова. Взяла третий – но сбилась, начала не с начала листа, а с того слова, где сбилась в прошлый раз. Нави брякнул под руку:

- Ну, почему ты молчишь? Дай хоть одно число, ну что тебе, жалко?

Нежданно для нее самой, в глазах Дороти выступили слезы.

- Да что же ты меня терзаешь! Дай уже покоя, душегуб!..

Нави смутился, спрятал лицо:

- Извини меня.

Но недолго выдержал без чисел. Не прошло и получаса, как он тихонечко пискнул:

– Пожалуйста...

Перо дернулось, лягнуло кляксу. Она скомкала испорченный лист.

– Будь ты проклят! Восемнадцать!

Нави улыбнулся:

– Благодарю тебя. Ты такая хорошая!

Но ее день уже был испорчен. Шесть погубленных страниц, обязательная ночная процедура... и восемнадцать. Это число отозвалось в душе резкой, гложущей тревогой. Наверное, такое число Дороти видела где-то в своих кошмарах.

Будь ты проклят, Нави!

Вечером сего злосчастливого дня мастер Густав обошел подопечных с проверкой. Дороти предъявила неполных пять страниц. Она боялась, что кроме ночи на коленях ее ждет еще и изгнание из писчего зала.

– Мастер Густав, я знаю, я сегодняшняя очень плоха, я испортилась, я позволила симптомам... Но это же не мои симптомы виноваты, а его! Этот Нави никак не успокоится, все спрашивает и спрашивает, я не могу писать, ничего не могу!

Мастер отозвал ее в сторону. Неторопливо снял нарукавники (он ведь тоже трудился, как все), сложил стопочкою исходники книг, придавил готовые листы, проверил, надежно ли закрыты чернильницы. Тем временем остальные пациенты вышли прочь. Нави оглянулся на Дороти с невиннейшим видом.

– Послушай, Дороти, – сказал мастер, – наш Нави совершенно безумен. Тебе и не снились такие симптомы, как у него. Магистр Маллин вместе с лекарем Финджером отчаялись с ним совладать. Но он пишет тридцать семь страниц в день. Идеальным шрифтом, без ошибок, без помарок. Может по десять минут вовсе не глядеть в исходник – пишет из памяти. Тридцать семь страниц в день, четыре книги за месяц. Когда ты будешь писать столько же – сможешь задавать кому угодно любые вопросы, и пускай попробует не ответить.

– Но он портит мой путь исцеления!..

Если бы Дороти имела способность к анализу, она легко поняла бы: Густав – не лекарь и не медбрат. Он – именно мастер, ремесленник, нанятый лечебницей, чтобы заставить писчий цех работать идеально. Вопросы исцеления и гармонии волновали Густава примерно в той мере, как капитана шхуны – чайки, гадающие на палубу.

– Я скажу Финджеру, пусть назначит тебе пять часов раздумий. Обмозгуешь свое исцеление как следует, настроишь душу на открытость терапии. А когда завтра придешь сюда – будь добра, отвечай на каждый дурной вопрос нашего птенца. Нужны ему числа – скажи. Хоть выдумай, хоть с потолка сними! Но чтобы к концу дня я увидел его тридцать семь страниц и хотя бы дюжину твоих. Иначе получишь полную гармонию, да с благодатью в придачу!

Монета – 3

Март 1775 г. от Сошествия

Лаэм (королевство Шиммери)

За три дня до прибытия в Шиммери эскадры Лабелинов, повлекшего за собою громогласные торжества, в гавань Лаэма вошел небольшой корабль. На его флаге скалился пес, сидящий на бочонке серебра. Лишь истинные знатоки геральдики вспомнили бы принадлежность этого герба – а принадлежал он мелкому баронству в Южном Пути. При малых размерах судно имело прекрасное парусное оснащение и вполне могло оказаться как курьерским, так и пиратским. В пользу второго говорил тот факт, что капитан избрал для стоянки не Золотую гавань, излюбленную вельможами и послами, и не Чайную гавань, весьма удобную для купцов, а Залив Альбатросов – далекий от центра города и укрытый скалами от лишних взглядов. Более того, на свой страх и риск лоцман вошел в гавань ночью.

Темнота, конечно, не защитила корабль от внимания береговой стражи. Едва судно пришвартовалось к пирсу, как дюжина солдат с арбалетами и факелами окружила трап.

– Пусть капитан сойдет первым, – приказал командир стражников.

На пирс вышел мелкий круглолицый мужичок в неприметной одеже. Судя по тому, как шатко он ступал по трапу, мужичок был не капитаном и не матросом, а пассажиром корабля.

– Вам не нужен капитан, господа, – заявил он с нотой дерзости. – Вам нужен я.

– Кто ты такой, плешь тебе в бороду?! Как звать капитана, как называется ваша лохань, и чем докажешь, что вы не идовы пираты?

– Наш корабль носит имя «Пес на бочке», а все остальное ты прочтешь здесь.

Мужичок вытащил из внутреннего кармана конверт, с хрустом сломал сургучную печать и сунул вскрытое письмо командиру стражи.

– Чтоб ты облысел! – выругался командир, поскольку не умел читать. – Центор, где черти носят твою грамотную задницу?!

Стражник, стоявший за шаг от командира, взял у него письмо и в свете факела принялся читать:

– Именем Великого Дома...

– Кхм-кхм, – вмешался мужичок, – это письмо секретное, предназначено только командиру стражи. За сохранность секрета положена награда.

Командир и грамотный Центор переглянулись в замешательстве.

– Читай прямо в ухо, плешь тебе на грудь!

Стражник придвинулся и шепотом прочел письмо, чуть не подпалив факелом редкие волосы командира. Дослушав, тот изменился в лице.

– Прямо так и сказано?

– Как написано, так прочел.

– И печать правильная?

– Сам посмотри.

Разглядывая сломанную печать, командир обнаружил еще один лист бумаги, вложенный в конверт.

– Эт-то что такое, черти лысые?

Центор осмотрел листок, заморгал.

– Банковский вексель на... – сумму он назвал шепотом.

Они снова переглянулись.

– Наверное, надо нам того... – предложил Центор.

– Угу.

– И чтобы это, значит...

– Сам знаю! – рявкнул командир.

Он повернулся к мужичку с корабля:

– Добро пожаловать в Лаэм, господин Мо...

– Мо, – отрезал мужичок, – просто Мо. Так меня зовут друзья. Вы окажете нам небольшую дружескую помощь?

– Плешь мне на темя. Ага. Что вам надо?

Мо хлопнул по плечу командира стражи и отвел в сторонку, где задал несколько вопросов, неслышимых для остальных. Командир использовал ситуацию, чтобы тайком от подчиненных спрятать вексель себе под рубаху. Получив нужные ответы, Мо крикнул:

– Айда за мной, братья!

Четверо парней сошли по трапу. В отличие от Мо, они выглядели заправскими головорезами, опытными и в морских, и в сухопутных драках. Каждый имел не меньше шести футов росту и был вооружен отнюдь не перочинным ножиком. Без лишней болтовни четверка зашагала следом за Мо, и вскоре они скрылись в лабиринте припортовых улочек.

Головорезов звали: Семь, Восемь, Девять и Дейв. Все они родились в Южном Пути, вдоволь помахали мечами и кулаками на службе у разных лордов и капитанов, пока не очутились на борту галеона «Величая», шедшего из Грейса в Лаэм. Там они и были отобраны Могером Бакли.

Плавание из Южного Пути в Шиммери заняло шесть недель. Все это время Бакли посвящал двум делам. Во-первых, подлизывался к леди Магде. Всеми способами, изобретенными человечеством: льстил грубо и тонко, намеками и прямо в лоб; оглаживал обожающими взглядами, веселил глуповатыми шутками; комично унижался напоказ, а иногда наоборот допускал дерзость – лестную для госпожи, разумеется. Барон Хьюго Деррил – железный кулак Лабелинов – напомнил Бакли, что низкородный должен знать свое место. Потом выбил ему зуб. Потом вышвырнул Бакли за борт. К счастью, следующий корабль в строю подобрал его. Однако леди Магду развлекало происходящее: уродливая и жирная, она слыхала мало лести на своем веку. К тому же, ее интриговал давешний намек Бакли: есть способ заработать миллион. Так или иначе, льстец добился своего: дочь герцога дала ему корабль, несколько верительных писем и право выбрать четверых воинов в помощь. Выбор стал вторым делом Бакли.

Разумеется, он отверг рыцарей. Этих надменных гадов Бакли и презирал, и боялся. Отбросил также и сквайров: эти не многим лучше, чем их хозяева. Зато с большим вниманием рассмотрел наемников из простого люда и крепких матросов – тех и других хватало на борту «Величай». Взяв на примету две дюжины парней, Бакли стал приглядываться к ним. Оценивал ловкость, владение оружием, провоцировал на состязания и драки. Кроме слабаков, избегал также и тех, кто был обременен излишней моралью. Когда список сузился до десяти человек, Бакли прочесал их новой гребенкой: стал отбирать тех, в ком есть червоточина. Не маленький безобидный изъясчик, а такая дыра, куда можно всунуть руку и всего человека повернуть без труда. Вот и нашлись эти четверо.

Семь обожал деньги, как и сам Бакли. Обожал настолько, что глаз туманился при одном слове «золото». Бакли назвал ему правильную сумму – и Семь стал его рабом.

Восемь ненавидел Деррила, своего барона. Влезал в любую драку и колотил кого попало, лишь бы выплеснуть часть этой ненависти. Бакли намекнул: стань моим человеком, и никогда больше не увидишь барона.

Девять слишком любил баб. В плаванье волком выл от голода, малевал сиськи на стене над своей койкой. Бакли пообещал ему плату не в деньгах, а в женщинах. «Представь, – сказал, – ты на торгах альтесс, и можешь купить не одну, не двух, а целую дюжину! Любых, каких только вообразишь! Сейчас придумай наперед – а потом просто выберешь согласно фантазии». Девять опьянел от одной мысли.

А у Дейва остался сынишка в Южном Пути. Дейв мечтал, чтобы паренек стал морским офицером, а не матросом, как отец. Но в мореходную школу нужны хорошие рекомендации и куча деньжищ. Бакли обещал Дейву больше, чем нужно, а в довесок пригрозил: «Предашь меня – вернусь в Южный Путь и найду твоего отпрыска. Уж я найду, не сомневайся». И Дейв тоже стал послушным псом, хотя проявил одно малое своеволие. Бакли велел своим слугам: «Забудьте имена, они теперь ни к чему. Ты будешь Семь, ты – Восемь, ты – Девять, а ты...» Трое согласились, но Дейв отрезал: «Я – Дейв, чтоб мне в земле не лежать!»

Корвет «Пес на бочке» одолжил для предприятия барон Грейхаунд – вассал маркиза Грейсенда, вассала герцога Лабелина. На этом быстроходном судне Бакли и его четверка опередили остальную эскадру и прибыли в Лаэм тремя днями раньше «Величавой» – и раньше того часа, когда о визите Лабелинов заговорит весь город. Пузатый зверь, за чьей шкурой охотился Бакли, еще не мог подозревать, как близка опасность.

* * *

Бакли взялся за дело, не теряя ни минуты. Когда солнце показало розовый бок над горизонтом, и дворники зашуршали метлами в богатых кварталах, и первые извозчики и водовозы выкатили на улицы, протирая глаза кулаками, – Бакли уже был на площади. На той самой, где еще чернели на мостовой остатки сажи от костров мастера Гортензия. Бакли выдал парням по горсти агаток, и они разошлись в стороны, перехватывая каждого, кто показывал на площадь свой ранний нос. Водовозы и извозчики – как раз нужная публика!

– Небесный корабль? Ха-ха-ха! Был такой, кто ж его забудет! Здоровенное такое чучело торчало прямо вон там, где сажа.

– Да-да, так и было, истопник Гортензий на свою беду изобрел. Денег вкинул ого, а прибыли – пшик. И правильно: подумал бы сначала, кому оно надо, а потом изобретал.

– Проклятущая штука! Хорошо, что улетела!

Дело сразу заладилось, опрос пошел как по маслу. Все помнили небесный корабль и его создателя, и даже некоего Хорамы, купившего шар.

– Был такой чудака откуда-то с севера. Шатался тут с бородой. Вроде, звался Хорамом. Да, точно.

– Он, кажись, недавно разбогател и не успел понять, что с деньжищами делать. Так и норовил спустить на чепуху.

– Ага, он, он шар купил! Я хорошо помню: Гортензий от счастья всю площадь угостил вином!

– Я тоже помню. Дешевым.

Люди Бакли перешли к главному вопросу: куда делся этот Хорам?

– Тьху! Кто ж его знает!

– Укатил – и скатертью дорога. Не больно-то скучаем.

– Не укатил, а улетел! Ха-ха-ха!

– Слава богам, что улетел. А то понаехали в Лаэм – дышать тесно.

Парни Могера насели плотнее – посулили монету, потрясли за грудки.

– Эй, руки-то не распускай! Ты в Лаэме, у нас тут так дела не делаются!

– Агатка – это хорошо, а две еще лучше. Давай сюда, скажу ценное известие. Этот Хорам был приезжий, и не откуда-нибудь, а кажись из Короны. Точно, точно из Короны! Он, поди, туда и вернулся с шаром!

– Монета, говоришь? Премного благодарствую. Скажу такое, что не пожалеешь: вместе с Хорамом укатил и Гортензий! Поехал присматривать за шаром и получше его совершенствовать. Будто навоз улущится от сахарной присыпки.

– Куда?.. Да почему мне знать! Гортензий тоже был приезжий. С какого-то городишки, что их тьма окрест Лаэма. Вот, походи, к нему домой и укажи.

Час за часом парни Могера Бакли продолжали свои расспросы, все больше зверея от неудач. Когда солнце поднялось в зенит, стало очевидно: лаэмцы мысленно помещают свой город в самый центр мироздания. Все, что происходит здесь, имеет вселенскую важность и впечатывается в память, но стоило Хораму покинуть город – он сразу исчез из внимания. Пожалуй, и помнили-то горожане не его самого, а лишь его чудачества – озаренные величием города, в котором случились.

– Чертовы южане! Чтобы им всем сдохнуть! – проревел Восемь.

– Мрази, – согласился Девять. – Все с бабами ходят.

Парни успели заметить, что всякий лаэмец, если он не бедняк, передвигается в сопровождении женщины, а то и нескольких. Это обстоятельство не давало Девятке покоя.

– Слышь, Могер, может нам того-сего, в бордель? От расспросов явно толку нету, так чего торчать на жаре?

– Сначала Хорам, потом бордель, понял меня? Не найдем говнюка – я тебе такой бордель устрою!

– Он прав, Бакли, – поддержал Семь. – От расспросов уже толку нет, люди-то все те же. Вон того извозчика уже по третьему кругу пытали...

– Спрашивайте еще, тьма вас сожри! Приносите пользу!

– Любопытно, кого он паялил?.. – бросил в пространство Девять.

– Дай ему в ухо, – приказал Бакли Восемьке, и лишь потом сообразил: Девять дело говорит.

Снова прошлись по водовозам, извозчикам, торговцам чаем и сладостями, только на сей раз с новым вопросом: была у Хорама баба? Можно ее найти?

– Не припомню. Наоборот: припомню, что не. Не было у него бабы, я еще сильно удивился.

– Никакой. Вот никакошенькой.

– Он, наверное, был из этих, фффииииууу... – выразительный жест согнутого пальца.

– Да точно из этих! Он жеж потому и шар купил – ему уже не страшно было, даже без шара все равно не стоит!

– Но постоит... у вас еще агатки остались?.. Четыре в самый раз, а восемь – вдвое лучше, число-то святое. Благодарствую, славный!.. Этот Хорам потом купил себе альтессу. Незадолго как уехать, он здесь появлялся с такой... Э. У.

Со звуком «э» торгош растянул пальцами глаза, со звуком «у» – прогладил ладонью плоскую грудь.

– Шаванку что ли?

– Ее.

– А где купил?

– А где их покупают? В Чайном порту, знамо дело, на Изобильном спуске.

Команда Могера Бакли переместилась на Изобильный спуск. То был целый проспект, сходящий к гавани, и застроенный чайными разного пошиба, от скромных домишек до белокупольных дворцов. В котором из них побывал Хармон – так и не выяснилось. Пришлось посетить все.

Дело шло идовски медленно и дорого. Оказалось, в шиммерийских чайных домах платят не за чай, а за вход. Привратники отказывались отвечать на любые вопросы, пока не оплатишь посещение, а уж о том, чтобы задаром увидеть хозяина чайной, речь даже не шла. Семь бесился с каждой монетой, отданной привратникам, ослеп от ярости и стал бесполезен. Восемь искал повода для драки и врезал в глаз одному особо наглому лакею – пришлось заплатить втрое,

чтобы не вызвали шерифа. Девять охотно платил и входил в чайные – но принимался глазеть на вкусных служанок в полупрозрачных платьях и не справлялся с расспросами. Пользу приносил лишь Дейв, ну и сам Бакли.

– Позвольте узнать, славные господа, о каком времени идет речь? Видите ли, последними месяцами женские торги совершенно увяли: из-за войны его высочество не пускает в порт шаванские суда. А вот осенью и летом было вполне оживленно.

– Во времена небесного корабля? Стало быть, август или сентябрь, как раз перед Северной Вспышкой. Я не вижу трудности в том, чтобы проглядеть учетные книги за эти месяцы, ведь я веду тщательный учет любой сделки, свершенной в моих стенах.

Однако после этих слов хозяин чайной не двигался с места, а принимался скучливо разглядывать собственные пальцы. Цена составляла не агату и даже не глаорию, и платилась не за ценные сведения, а лишь за проверку. Сунув в карман елену-другую, хозяин чайной посылал девицу за книгой, перелистывал страницы и с печальным видом разводил руками:

– К великой скорби, в моем заведении славный Хорам не заключал сделок.

– Тогда верни монету!

– Сожалею, но не вижу к тому причин. Я приложил усилия и сделал то, о чем вы просили. Потраченные мною силы уже не вернуть назад в тело.

Бакли знал, что леди Магда Лабелин отчаянно скупа и вытрясет из него душу за любые лишние затраты. Но только в том случае, если он потерпит неудачу. А значит, вывод прост!

Уже клонилось к закату, когда Бакли нашел нужное заведение – чайный дом Эксила. Эксил, этот наглый пузан в чалме, вытряс из Могера целых три елены и стал листать книгу, слюнявя толстые пальцы и бормоча:

– Не думаю, что выйдет толк... Господа, я помню каждого клиента, ибо дорожу ими, как пустынный путник утренней росой. И раз уж моя отточенная память сразу не сообщила нужное имя, то... Как вы изволили сказать – Хорам Паулина?

Да, он побывал здесь! Именно в чайном доме Эксила купец из Короны Хорам Паулина Роберта приобрел шаванку Низу за цену в пять эфесов.

– Недорого, – хмыкнул Бакли.

– О, совершенная правда! Пять эфесов – почти самая ничтожная цена, слыханная мною. Помню только случай, когда одну девицу купили за два золотых, – но она была кривая на один глаз и с пятном на пол-лица. Уж и ума не приложу, зачем понадобилась...

– И отчего эта Низа была так дешева?

– Боюсь, что боги осквернили ее самым мерзким недостатком женщины – строптивостью. Теперь, когда луч воспоминания озарил тот день, я ясно вижу: Низа вылила кувшин вина на голову славного покупателя.

– Хорама?!

– Нет, другого человека – известного в городе Тимерета. Славный Тимерет является знатоком и ценителем женщин, он из тех, кто определяет рыночную цену. Когда шаванка унизила его, ее стоимость упала, как слепой баран со скалы.

– А кто продал Хораму Низу?

– Ганта Гроза из Рейса, один из крупнейших поставщиков пленниц.

– Где можно найти Низу теперь?

– Очевидно, там же, где и вашего Хорама, если только он ее не придушил. И не сотрясайте воздух лишним вопросом – я не знаю, где Хорам. Не имею дел с мужчинами, что прельщаются дешевкой.

– А ганту Грозу или Тимерета?

– Пх. Каждым словом, господа, вы обнажаете свое невежество. Грозу ищите под стенами Мелоранжа, ведь он – один из первых всадников Степного Огня. А Тимерет, наверное, сидит в чайной Валериона – именно там он любит вести свои дела.

Когда покинули заведение Эксила, Дейв сказал:

– Этот тип темнит, чтобы мне в земле не лежать.

– Как все типы в этом драном городе, – огрызнулся Бакли.

Они нашли Семерку и Восьмерку, потных и злых. Бакли дал им поручение, а сам с Дейвом и Девятью отправился в чайную Валериона. На счастье, Тимерет оказался там, и даже согласился побеседовать с Могером бесплатно.

– Желаешь женщину, славный? Я помогу, женщины есть. Война в Литленде испортила рынок: шаваны заняты дракой, привоза нет, девиц мало и все низкородные. Но Тимерет бы не был Тимеретом, если б оставил голодать своих клиентов. Скажи теперь, какую хочешь, а завтра приходи снова – и я подыщу тебе точно под заказ.

– Подыщи мне купчину, – ответил Бакли. – Кряжистый, бородатый, прибыл в августе из Короны, купил небесный корабль, зовется Хорамом.

– Бедолага, – сказал Тимерет.

– Я или Хорам?

– Вы оба. Хорам – потому, что не умел управлять деньгами. Монета – как конь: если не держишь в узде, то понесет свет за очи. Вот и Хорам утратил ум в тот самый день, как обрел богатство. Захотел женщину – приобрел такую дрянь, что тошно вспомнить. Захотел прибыли – купил самый гнилой товар во всем Лаэме. От козы больше удовольствия, а от тухлой рыбы больше прибыли, чем от его покупок!

Тимерет хлопнул Бакли по плечу:

– Но я-то вижу, славный: ты – не такой, как он. Он из одного теста слеплен, а ты – из другого. Ты-то знаешь, где товар на полтинку, а где – на сотню золотых. Потому скажи без стеснения: какую женщину ты хочешь?

Бакли нажал вопросами о Хораме, и Тимерет потерял к нему интерес.

– Вот что, славный: желаешь вести дела в Лаэме – приобрети альтессу. В Короне тебя не услышат без титула, на Севере – без меча, а в Шиммери – без женщины. Пока ты один, то ты не делец, а только половина дельца. Желаешь найти себе вторую половину – я помогу от всей души. Желаешь глупые вопросы про приезжего олуха – задавай их своим приятелям-мужчинам.

– Шиммерийцы – гады! – сказал Дейв на улице.

Бакли подумал, что тоже умеет быть гадом, и дал Дейву с Девяткой поручение. Оставшись один, плотно поел, снял дорогую комнату в гостинице, затем пошел в бордель и потратил две елены леди Магды Лабелин на девицу, разительно непохожую на леди Магду Лабелин. Белокурая, тонкая, изящная гетера была до того соблазнительна, что Могер поначалу ничего не мог. Он приказал ей погасить свет и грубо по-матросски выругаться. Она сделала, он потребовал еще, и она выбралась грязнее. Тогда он вlepил ей пощечину, рывкнул: «Шлюха! Дрянная шлюха!» – и сделал свое дело.

– Разбуди через час, мерзавка.

Бакли сунул шлюхе монету Магды Лабелин и захрапел.

Командир портовой стражи знал отличный пустырь. О том был один из вопросов, заданных ему Могером, и стражник ответил, и не сплеховал: пустырь оказался такой, как надо. По западному берегу гавани тянулись рыбацкие причалы и рыбные склады, и мастерские, где вялят и солят. Дальше – ямы для тухлой рыбы, тошнотворно смердящие и осаждаемые котами. А дальше начинался пустырь, открытый морю и годный для пляжа – но кто ж доберется сюда, через всю эту вонь?

На пустыре имелось несколько скальных обломков. У одного из них, невидимые со стороны города, ожидали Могера его парни. С ними было два человека. Оба валялись среди травы-колючки, связанные по рукам и ногам, с мешками на головах.

Бакли расплылся в ухмылке:

– Молодцы, принесли пользу. Вы поколотили этих гадов?

– Еще бы, – ответил Восемь и пнул своего пленника.

– Не больше, чем нужно, – ответил Дейв про своего.

– Нужно больше, – сказал Бакли и ударил лежащего каблуком. Тот захрипел сквозь кляп.

– Давайте этого.

Семь и Восемь подняли своего пленника на колени, сдернули с головы мешок. Хозяин чайного дома Эксил жевал кляп и сверкал глазами.

– Он какой-то злой, – отметил Бакли.

– Поколотили его как надо! – ответил Восемь.

– Но ему не хватило. Видишь, как зыркает!

Восемь расквасил Эксила нос. Ударом в ухо свалил наземь, поднял за волосы, снова свалил. Нос и ухо пленника распухли, как томаты.

– Еще.

Восемь пнул в живот, Эксил захрипел и забулькал. Восемь обошел его сзади и ударил в почку. Из глаз толстяка хлынули слезы.

– Что скажешь, славный Эксил, луч твоей памяти разгорелся? Поделишься сиянием?

Бакли выдернул кляп.

– Ай-ай-ай, – запричитал хозяин чайной, и Восемь ударил его так, что клацнули зубы.

– Представь, свинья, что ты на сраном севере. Ни одного лишнего звука, или мы выбьем тебе челюсть. Только по делу и строго в точку. Уразумел?

– Угу...

– Что ты вспомнил еще?

– Да ничего особенного, ерунду. Ай-ай, не надо! В тот день с Хорамом был Онорико-Мейсор.

– Кто таков?

– Местный сводник, торговец альтессами, не слишком успешный.

– И что?

– Это Рико подсунул ему Низу. Потом они все вместе уехали.

– То есть, Рико может знать, где находится Хорам?

– Да, с... славный.

– А где найти Рико?

– Давно его не видел в городе. Но его жена, кажется, осталась тут.

– Где найти ее?

– Не знаю. Ай-ай-ай, честно не знаю! Но она Ванесса-Лилит, белокровная. Спросите людей.

– Спросим. Почему сразу не сказал?

– Я э... простите, всякому не чуждо... отчего не заработать... хотел с него денег взять за предупреждение.

– Ты на этом не зарабатываешь. Понял меня? Если предупредишь Рико, мы вернемся. Уж мы вернемся. Ага?

– Угу...

– Пошел прочь.

Восемь рассек веревки, и Эксил захромал с пустыря.

– Теперь того.

Другим пленником оказался Тимерет. Процедура повторилась с двумя различиями. Избивал Тимерета не Восемь, а Дейв, и Могер подначивал: «Еще, еще!» Затем Бакли добавил от себя. Раз Тимерет так увлечен бабами, то Могер вогнал башмак точно ему в промежность.

Пять минут Тимерет не мог говорить, а только корчился и стонал от боли. Но Могер Бакли не сказал бы, что эти минуты выброшены зря.

– Любвеобильный друг мой, кажется, ты ошибся! Видишь – при мне нет ни одной дамочки, но сейчас ты заговоришь, и как охотно! Хорам, приезжий купчина, купил дешевую дурнушку. Что ты о нем скажешь?

– Я все уже...

Тимерет заткнулся, когда Бакли поставил каблук ему на яйца.

– Пока женщины не стали для тебя пустым звуком, следи за словами. Скажи полезные.

– Этого Хорама, спали его солнце, обхаживал Рико-Сводник.

– Почему сразу не сказал?

– Я забыл...

– А теперь вспомнил? Хочешь, еще помогу твоей памяти?

– Нет, пожалуйста! Скажу все! Рико был мой конкурент, я злился, что он перехватил Хорама, хотел наказать его как-нибудь. Но Рико всучил Хораму дешевку и сам себя наказал. Ванесса-Лилит – жена – выгнала его из дому.

– Из какого?

– Что?..

– Адрес ее дома!

Тимерет назвал.

– То есть, Ванесса осталась в городе, а Рико уехал, верно?

– Чистая правда.

– Знаешь, куда?

– Нет, нет!

– К Ванессе он приезжает?

– Что ты! Она его и на порог не пустит!

– Кто еще может знать Рико?

– Извозчик.

– Говори много, тварь! Не цеди по слову, а лупи, сука, фонтаном!

– Рико несколько раз появлялся в городе, покупал всякие странные штуки – кислоту, например. Все увозил из Лаэма и всегда на одном извозчике. Я не знаю имя, но этот парень обычно стоит у северных ворот. Он такой тощий, и борода у него тощая.

– Можешь, когда хочешь, – отметил Бакли. – Теперь дуй отсюда. И спаси тебя Софья ляпнуть обо мне хоть слово!

– Мы ходило потдудились? – спросил Восемь гнусаво, поскольку зажимал нос, проходя мимо рыбных свалок.

– Терпимо.

– Мовет, бабу?..

– Может, поспать? – добавил Дейв.

– На Звезде поспите, лентяи! Сейчас – работать.

– Куда даботать?

– К северным воротам, вашу Праматерь!

Поскольку пустырь находился на юге Лаэма, им пришлось пересечь весь город. Когда добрались, уже сияло утро. Тощего извозчика с тощей бородой ждали битый час. Бакли уже начал расспрашивать других извозчиков, где он живет, как тут он подкатил к воротам. Вся команда Могера тут же вскочила к нему на борт.

– Дуй за город.

– Куда именно, славный?

– Именно за город, прямо по дороге.

За воротами Бакли подсел к извозчику и изложил дело.

– Видишь елену? Она может лечь к тебе в карман. Видишь кулак? Он может разбить тебе нос. И опасность даже не в этом, а в остальных восьми кулаках, которые будут покрупней моего.

– Чего вы хотите, славный?

– Отвези нас туда, куда возишь Онорико-Мейсора.

– Я не знаю, о чем...

Бакли ухватил его за ухо.

– Я с кем только что говорил? Быть может, ты оглох? Восемь, возьми нож и прочисти ему уши!

– Ладно, славный, ладно. Я вожу Онорико-Мейсора. Давненько уже не возил, но раньше было. Ехать часа два, так что плата нужна... подобающая.

Могер бросил елену.

После бессонных суток парни Могера разморились на ходу, начали клевать носами. Он тормозил их:

– Сволочи, запоминайте дорогу!

Однако помнить было особенно нечего: прямая ровная дорога, никаких поворотов, только плавный подъем в горы. Со временем и сам Бакли задремал. Проснулся, когда извозчик потерял его плечо:

– Приехали, славный.

Бакли огляделся, сонно и тупо похлопал глазами. Была все та же дорога, слева гора, справа широкая обочина с гнутым деревцем. Ни строения, ни человека.

– Это чего?..

– Ну, место. То самое. Куда я, значит, отвозил Онорико.

– Ты это пошутил, да? У тебя это юмор проклюнулся?!

– Нет, славный, серьезно говорю. Я Онорико здесь высаживал и товар его сгружал. Он потом на другого пересаживался.

– На кого?

– Почему мне знать? Он говорил мне: «Ты езжай, я тут смену подожду». Я и ехал назад. А что, стоять? Мне за постой не платят.

Могер яростно сплюнул.

– Семь, Восемь, задайте ему!

Извозчик не успел опомниться, как его стащили с козел, швырнули на обочину и стали избивать. Он кричал и закрывался руками, а Семь и Восемь лупили от души, хотя неторопливо спросонья.

– Зачем? – спросил Дейв.

– Я разочарован, вот зачем! Никогда, никогда меня не разочаровывай!

– Ладно. Но вы бы поосторожнее, ему нас еще назад везти...

Под вечер команда Бакли разыскала дом белокровной Ванессы-Лилит. Миледи была на выходе, пришлось пару часов дожидаться среди улицы. Когда она возвратилась, уже совсем стемнело. Люди Могера зверели – как никак, вторые сутки без сна.

– Отпьялить бы ее, – процедил Восемь, глядя через улицу, как Ванесса сходит с кареты.

Она или услышала что-то, или почувствовала на себе взгляд. Развернулась, перешла на их сторону.

– Я полагаю, вы дожидаетесь меня, славные господа?

То была очень красивая баба. Восемь мог лишь мечтать о том, чтобы отпьялить такую, как она. Бакли предпочел бы удовольствие иного рода: увидеть ее униженной и плачущей.

– Любезная леди, желаю вам здравия. Мы будем исключительно вам благодарны за пару слов о вашем славном муже, Онорико-Мейсоре.

– Господа, прошу вас, взгляните налево. Видите выше по улице бочку водовоза? Он стоит здесь все время, кроме глубокой ночи. Теперь взгляните направо и заметьте лоток торговца сладостями. Он меняется с зеленщиком: утром торгует один, вечером второй. Наконец, уделите внимание дому, что стоит напротив моего. Привратник дежурит у его дверей, а садовник ежедневно ухаживает за садом. Довожу до вашего ведома, господа, все названные мною люди – и водовоз, и зеленщик, и садовник, и привратник – получают монетку от кредиторов моего супруга. В их обязанности входит шпионить за моим домом и выследить Рико, если только он появится. Советую и вам прибегнуть к их услугам, плата будет невысока. Меня же избавьте от беспокойства. По законам королевства Шиммери супруга не несет ответа за долги своего мужа.

Они опешили от такой отповеди. Каждое слово было сказано с достоинством, но так и хрустело льдом.

– Миледи, – промямлил Могер, – мы не имеем чести быть кредиторами. Мы ищем Оно-рико по совершенно иной причине.

– Каковая не вызывает моего интереса. Рико не появлялся с сентября, где он – я не знаю.

Ванесса-Лилит развернулась и ушла. Восемь проворчал:

– Не, такую я б не пялил. Больно злющая.

Конечно, они проверили ее слова. Садовник, привратник, зеленщик и водовоз твердили как один: не было Рико, если б явился – уж его бы схватили за жабры. Агатка в неделю, славный, и мы последим за домом. Только Рико возникнет, сразу получите весточку.

Они убралась, несолоно хлебавши. Бакли дал парням денег на дешевый ночлег, а сам шлепнулся на кровать в своем дорогом номере и уснул, не имея сил ни на что иное. Последней утешительной мыслью мелькнуло в его голове: остался еще день, завтра что-нибудь придумаем.

* * *

Следующим утром в холле гостиницы Могера Бакли ждал человек. Едва Бакли сошел с лестницы, лакей шепнул человеку, и тот поднялся с кресла. На человеке были темные штаны и светлый мундир с золотой вышивкой: рычащий лев, лапа на шаре – герб королевства Шиммери. На поясе болталась шпага, человек небрежно придержал ее, вставая.

– Господин Мо, позвольте обменяться с вами парой слов.

– С кем имею честь?

– Халинтор, помощник шерифа.

Могеру Бакли хватило вдоха, чтобы перестроиться. До сих пор со всеми встречными в Лаэме Бакли говорил сверху, не видя нужды в поклонах. Но тут...

– Для меня великая честь и радость говорить лично с таким человеком! Позвольте пожать вашу славную руку.

Славная десница Халинтора как была заложена за спину, так и осталась там.

– Присядьте, господин Мо.

По указке Могер сел в кресло возле крохотной декоративной пальмы. Нижняя ветка свисала аккуратно над сиденьем, елозя по макушке Бакли острым листом.

– Против вас, господин Мо, имеется несколько жалоб весьма неприятного свойства.

– От кого?

Халинтор изобразил подобие улыбки.

– Мы – лаэмцы, господин Мо. Порою мы бываем глухи к тому, что происходит вне города. Мы не знаем песен, что пелись на коронации ее величества, не ведаем, какой фасон платья носит его светлость лорд-канцлер... Но все, что случается в городе, слышат стены и рассказывают улицам. За двое суток вы избили и унизили трех человек. Если существуют аргументы, чтобы я не приковал вас к позорному столбу и не всыпал семнадцать плетей, то сейчас – самое подходящее время их изложить.

Могер оттолкнул пальмовый лист, вынул кошель, положил на столик золотой эфес. Помощник шерифа следил за ним без выражения лица. Могер подождал, извлек еще два эфеса. Проклятый лист впился в макушку, когда Бакли разогнулся, оставив монеты на столике.

– Нужны аргументы иного свойства, господин Мо.

Бакли расстегнул сюртук и вынул конверт из внутреннего кармана. Халинтор изучил печать – она была цела, то был другой конверт, а не предъявленный в порту.

– Великий Дом Лабелин, – произнес помощник шерифа. – Простите, господин Мо. Герб с дельфинами сам по себе – еще не оправдание. Тем более, сейчас.

– Вскройте и прочтите, господин Халинтор.

Он так и сделал. На последних строках шевельнул бровью.

– Купец Хорам Паулина, он же Хармон Паула Роджер, – личный враг Дома Лабелин... Занятно, вы не находите? Простолоудин так задел герцога, что тот шлет гончих псов на другой конец Полариса. В этом есть нечто унижительное... для герцога.

– При всем уважении, осмелюсь доложить, что дочь герцога, леди Магда Лабелин, завтра прибывает в Лаэм с большим флотом и вассальной свитой. Неужели, сударь, нельзя придумать ничего иного, кроме как портить переговоры арестом личного помощника леди Магды?

– Я знаю о ее прибытии, – сказал Халинтор. – Потому я пришел к вам, а не вас ко мне привели. Примите совет, милейший Мо. Ныне покровительство леди Магды – слабая защита даже в Лабелине. А уж в другом конце света на нее точно не стоит полагаться дважды. Сегодня я не стану портить переговоры. Сегодня.

Халинтор взял один эфес:

– Это цена времени, которое я затратил на поездку сюда.

Два остальных оттолкнул от себя:

– А это – цена моего попустительства в будущем.

И ушел, оставив пару золотых на столе.

– Ищите его, сволочи! Ищите быстрее! – зашипел Бакли, встретившись со своей командой.

– Как искать? – озадачился Дейв.

– Восемь, ударь его.

Кулак Восьмерки вышиб из Дейва дух.

– Думайте головой – вот как! Хватайте каждую нить! Тощая борода говорил: Рико покупал всякие товары. Узнайте, какие и где. Спросите торговцев – вдруг Рико проболтался, куда везет. Мы знаем, он купил кислоту. Найдите сраных алхимиков, спросите, зачем нужна кислота, где ее можно применить. Следите за северными воротами – вдруг он снова приедет.

– Если приедет, как мы его узнаем? – резонно спросил Семь.

– Теперь ударь его!

Семерка согнулся пополам.

– Спросите жену. Спросите детей жены, слуг жены. Составьте сучье описание! Теперь все, вперед!

Они ринулись выполнять, а сам Бакли занялся делом, довольно странным для человека в его положении: пошел к Золотой гавани и стал смотреть на море. Дважды обогнув гавань по набережной, он оглядел вход в нее, якорную стоянку со всеми кораблями, пирсы и причалы, башню маяка. Свел знакомство с матросами, угостил вином, разговорил, невзначай задал несколько вопросов. Прогуливаясь у маяка, подгадал момент, когда смотритель послал мальчишку за обедом. Разговорил мальчишку, как прежде моряков. Потом переместился в Залив Альбатросов, где все еще стоял «Пес на бочке». Обойдя свое судно, Бакли уделил внимание другим: поболтал с экипажами, стараясь вызвать на беседу людей рангом повыше – боцманов, старших помощников, капитанов. Отнюдь не все морские волки желали говорить с ним.

Несколько раз Бакли получал такую отповедь, что постыдно сбегал. Несколько раз все же смог завязать беседы, но их плоды отнюдь не радовали. Ни один моряк не вызвал достаточно доверия, чтобы Бакли озвучил свое предложение. Он ушел от Залива Альбатросов весьма удрученный, а когда приблизился к Золотой гавани, то потонул в толпе. Горожане теснились, кто-то пытался пройти, кто-то – стоять, кто-то – смотреть. Скакали какие-то всадники в серебре и шелке, бряцали доспехи, орали офицеры. Кто-то вопил: «Да это же сам!..» Оглушительно трубя, шагал по улице слон с кабинкой на спине. Целый слон, тьма его сожри! Прямо в городе!

– Что происходит?! – крикнул Бакли на ухо ближайшему соседу. Тот заорал в ответ:

– Лабелины приплыли! Герцогиня! Наши встречают!

Леди Магда прибыла на день раньше срока – видимо, попутный ветер, чтоб его в узел скрутило. У Бакли не было ничего. Он убедился в этом, когда за полночь наконец добрался в гостиницу, где ждали его трое парней.

– Хрена с два, – кратко сообщил Восемь.

Дейв и Семь рассказали подробно. Онорико-Сводник купил в городе шесть или семь телег всякой лабуды: были шелк и хлопок, нити и веревки, кислота и железо, горячее масло, красители, алхимическая посуда, пузыри с пробками. Но все это он приобрел еще в прошлом году, и ни одному торговцу не проболтался, куда везет. Ни одному. Правда, кроме торговцев он еще встретился с каким-то магистром алхимии, но этого магистра сейчас нет в городе. Сам граф Второй из Пяти пригласил его в гости, а когда зовет граф, то это надолго.

– Дрянь. Сучья дрянь!.. Эй, а где Девятка?

– Следит за северными воротами. Раздобыл описание Рико и смотрит, не приедет ли тот.

– Он там один? Если один, то ни черта он не следит, а пялит какую-то!..

– И пялит, и следит. Мы проверили. Там есть бордель окнами к воротам, вот Девятка на подоконничке...

Бакли прогнал всех троих. Обозвал их олухами, кретинами и сучьими кишками, но, по правде, сам тоже не видел выхода. Шум от приезда Лабелинов к утру облетит весь город, к завтрашнему вечеру – все окрестности. Где бы ни был Хармон, укравший у герцога Светлую Сферу, послезавтра он узнает про опасность и затаится. А горькая шутка в том, что ему и таиться не нужно! Даже сейчас, еще не затаенный, он совершенно невидим.

Свидетель – 2

Апрель 1775 г. от Сошествия

Остров Фарадея-Райли

– Скажи число.

Нави улыбался по-детски наивно, с трогательной робкою надеждой.

– Ну скажи, пожалуйста, что тебе стоит!

Его мальчишеские глаза так и светились синевой. Рука механически шуршала пером, слово за словом ложилось на лист. Нави не смотрел туда. Обратившись в надежду, он всем собою, душой и телом, тянулся к Дороти.

– Прошу тебя, прошу! Дай мне число, пожалуйста!

– Сто пятьдесят два! Будь ты проклят!

Дороти ненавидела его. Нави был хуже чесотки, навязчивей овода, неизбежнее войны. Он отравлял ее воздух и сосал ее кровь, и при этом сиял невинною улыбкой:

– Спасибо, спасибо тебе! А можешь еще число?.. Ну хоть одно?..

Дороти была бессильна, как мышь против змеи. Мольбы, проклятия, угрозы не помогали. Нави не боялся угроз, не замечал проклятий и честно пытался внять мольбам – но не мог. Обещал не просить чисел, но проходила четверть часа – и, подвластный невидимой силе, он вновь начинал:

– Ну хоть одно, пожалуйста. Самое последнее!

Дороти пыталась отсесть от него – Нави ударялся в крик и не утихал, пока она не возвращалась. Дороти взывала к мастеру Густаву и лекарю Финджеру – им было плевать. Плевать на нее, но не на Нави. Он выдавал тридцать семь страниц в день – идеальным почерком, без помарок. Да спасут тебя боги, Дороти, если начнешь мешать ему.

Сама она едва успевала пять или шесть страниц – половину нормы. Каждый вечер Дороти получала процедуру, ночью спала от силы несколько часов, приходила в цех изможденная, вялая – и успевала еще меньше, чем вчера. «Я сегодняшняя лучше меня вчерашней»... Где там! Сегодняшняя Дороти – сонное злое дерьмо. А завтрашняя будет только хуже.

– Скажи мне циферку, а! Очень прошу тебя! Скажи – и я отстану.

Она попросила вернуть ее в одиночную комнату – получила отказ. Во-первых, Нави бросил перо и ударился в плач, едва понял, что может лишиться жертвы. Во-вторых, одиночная комната была занята – там трудился какой-то бедолага, недавно назначенный переписчиком.

Дороти стала молиться Праматерям. Она и прежде встречала и провожала каждый день молитвою, но, как требует благочестие, не досаждала Прародителям просьбами, а лишь отчитывалась в своих деяниях и благодарила за заботу. Теперь же опустилась до откровенной мольбы: «Святые Праматери, низжайше прошу вас, пошлите спасение, избавьте меня от кровопийцы Нави!» Она адресовала молитву всем Праматерям вместе и каждой в отдельности – и всюду получила отказ. Янмэй считала, что Дороти старше и умнее, чем Нави, потому легко совладеет с ним. Величавая Софья требовала полюбить юношу как младшего братика. Светлая Агата сказала: Нави несет ценный урок для Дороти, который нужно усвоить. Даже Глория-Заступница – Праматерь с бархатным сердцем, готовая помочь и нищему, и вору – даже она не вняла мольбам Дороти Слай!

– Пожалуйста, дай число.

– Пятьдесят девять.

Нави похлопал глазами, смешно нахмурился.

– Это неправильное число. Зачем ты так! Число же неправильное! Скажи другое.

Тогда Дороти ударила его. Подняла мягкую дряблую руку и бессильно лягнула его по щеке. Нави покраснел, моргнул и заплакал.

– За что ты меня?..

Мастер Густав вышвырнул ее из мастерской. Полночи она провела в подвале стоя на цыпочках. Плохая рука была пристегнута к потолку.

– Карен... Кейтлин... скажи, что мне делать?

Дороти боялась своей соседки по комнате. Карен напоминала мертвеца; Карен почему-то звала Дороти «миледи». Дороти не знала, что из этого пугает ее больше. Однако, доведенная до отчаяния, она решилась спросить совета.

– Терпите, миледи, – ответила Карен.

– Почему он липнет ко мне, а? Почему только ко мне? – Глаза Дороти увлажнились. – Почему никого другого?..

Карен смерила ее очень холодным взглядом, будто слезы Дороти вызвали в ней отвращение.

– К вашему сведению, миледи, Нави высосал до капли каждого переписчика. Затрачивал от двух до трех месяцев, выжимал все числа, какие были известны жертве, затем переходил к следующей.

– Два месяца?!

Дороти не расплакалась лишь потому, что боялась ненависти Карен. Она провела рядом с Нави одну неделю. Одну чертову неделю – и силы уже на исходе! За два месяца она свихнется и прыгнет в море от отчаянья!

– Что же мне делать, Карен?

– Терпите, миледи.

Она отвернулась к стене, устав от разговора.

– Нет, нет, погоди! Я не вытерплю! Не смогу!

Это не волновало Карен. Тьма! Здесь ничто никого не волновало!

– Скажи хотя бы, что такое правильные числа? Иногда называю число – а он говорит: неправильное. Он издевается? Нарочно меня мучает?! Как правильное отличить от неправильного?

– Правильное число имеет смысл, миледи. Неправильное лишено его.

– Смысл?.. Какой смысл?.. Я говорю, что в голову взбредет, лишь бы отвязался. Нет там смысла!

– Вы не всегда помните смысл числа, но он всегда есть. А если нету – Нави это заметит и скажет «неправильное».

С того дня кошмар усилился многократно. Прежде Дороти не задумывалась – просто кидала Нави случайные числа, как кости собаке, и большинство чисел оказывались правильными. Теперь, когда число всплывало в уме, Дороти терзалась вопросами: правильно ли оно? Есть ли в нем смысл? Может, выбрать другое? Может, добавить единичку или двоичку?.. И она промахивалась. Числа не подходили Нави, он обижался, плакал, кричал, умолял: «Нет, не обманывай меня, пожалуйста, дай правильное!» Его перо тем временем ровно скользило по листу, перо Дороти – ставило кляксы, рвало бумагу. Листы летели в мусор, мастер Густав бил кулаком по ее столу: «Какой ты переписчик! Пойдешь у меня двор мести!» И в ее голове мелькало: ладно, пускай двор, лишь бы подальше от него. Но Нави хватал Густава за одежду: «Нет, нет, не прогоняй ее, пожалуйста! Она исправится, она хорошая. Это случайность, что число неправильное. Сейчас она подумает и скажет правильное». Дороти хотела убить его. Взять перо и воткнуть в глаз. Чтобы вылезло из затылка. Такое возможно, правда?..

Шаваны верят, что ежедневно и ежечасно Гнойный Дух Червя пожирает мир людей, разлагая и превращая в пыль все живое. Рано или поздно он сожрет все, что есть в мире, кроме бесплотной Орды Странников, которая сбежит от него в иную вселенную.

Так милый юноша по имени Нави поглощал мир Дороти Слай – ежедневно и ежечасно глотал ее мысли, ее покой, ее душу. С тою единственной разницей, что никакая Орда Странников не могла спасти Дороти, и не существовало вселенной, подходящей для побега.

Если бы Дороти сохранила способность к анализу, она поняла бы причины его власти над нею. Лишенная памяти, запуганная и задавленная терапией, вписанная в жесткий регулярный график, Дороти обитала в мире, весьма бедном эмоциями. Такие чувства, как радость, горе, печаль, интерес, азарт, похоть – не посещали ее. Все события, происходящие в лечебнице, были весьма однородны: они вызывали у Дороти страх – либо оставляли безучастной. Безумный, навязчивый, нелепый Нави оказался единственным ярким эмоциональным пятном. Он порождал в душе Дороти целую гамму: удивление, ненависть, злобу, обиду, зависть. Он был для нее тем же, чем шторм является для мореплавателя, а полуденное солнце – для пустынного странника. Могла ли она не думать о нем?

Что за правильные числа? Этот вопрос окончательно лишил ее покоя. С запозданием Дороти поняла: если бы узнать каким-то способом десятков-другой правильных чисел, можно было бы выписать их на листок и по одному в час сообщать Нави. Только он проголодается и заведет шарманку: «Скажи число!» – как она сразу: «Вот тебе, подавись!», и делает дальше свое дело. Беда в том, что теперь, узнав о правильных и неправильных числах, Дороти разучилась придумывать правильные. Что ни взбредет на ум – все мимо. Раньше-то легко было, а сейчас...

Впрочем, однажды судьба смилостивилась и дала ей передышку. В писчий цех поступила новая книга: какой-то учебник по мореходству требовалось переписать в десяти экземплярах. Мастер Густав отдал книгу Карен – самой внимательной из переписчиц. Нави заметил учебник, в перерыве отнял его у Карен и стал читать. Дороти в жизни не видела, чтобы кто-либо так читал. За время, пока юноша проглатывал страницу, Дороти могла сосчитать до шести. Раз, два, три, четыре, пять, шесть – шшшурх, новая страница. Дороти глядела, не отрываясь, зачарованная этой магией. И не она одна, а все переписчики, кроме самых старожилов, пялились на Нави. Раз, два... пять, шесть – шшшурх. Его глаза не бегали по строчкам, а целились в центр листа, замирали неподвижно, за шесть секунд впитывали страницу целиком, будто картину. На седьмой секунде он моргал и переворачивал лист. Шшшурх.

Карен не выказала никакого удивления. С привычною неохотой она пообедала яйцом и сырной лепешкой, пока Нави листал книгу над ее головой. Через двадцать минут перерыв истек, и мастер Густав звякнул в колокольчик, и Карен протянула руку к юноше:

– Вы окончили, сударь?

Он задержал книгу на двенадцать секунд, чтобы впитать последний разворот, затем вернул ее Карен.

Дороти заглянула в учебник. Там были схемы и числа. Десятки схем и сотни чисел. Возможно, тысячи. У Дороти перехватило дыхание, когда она поняла: Нави запомнил каждое число из учебника. Его лицо сияло тихим сытым счастьем. В этот день Нави ни о чем ее не спрашивал.

Дороти смогла сосредоточиться на работе и до вечера переписала двенадцать страниц. Густав похвалил ее и избавил от наказаний. Впервые за несколько недель она вернулась в комнату раньше полуночи, не измученная процедурами. Впервые она не рухнула в постель, как в черный омут, а села у окна и принялась думать.

Что за правильные числа? Как их опознать?

Общеизвестные не подходят – это проверено. Количество земель Империи, число Праматерей и Праотцов, исторические годы, даты праздников, число дюймов в футах и ярдов в миле – ничто из этого не удовлетворяет Нави. Логично, если разобраться: этот клещ-кровопийца раньше допросил остальных переписчиков, они уже не раз называли известные всем

числа. А это тоже проверенный факт: повторяться нельзя. Каждое число можно назвать лишь раз, со второй попытки оно станет неправильным.

А вот числа, касающиеся лишь самой Дороти, приносят успех: сказала – Нави надолго отцепился. Беда в том, что таких чисел крайне мало. Свой рост и вес она узнала при осмотре у лекаря; возраст вспомнила с великим трудом. Вот и все. Число живых родичей, возраст родителей, мужа и кузена, количество комнат в родном доме – ничего такого память Дороти не сохранила.

Остаются числа, которые сами собою откуда-то всплывают в мозгу. Бывает такое. Нави ляпнет: «Скажи число» – и в голове возникнет: сто пятьдесят два. Есть ли в нем смысл? Иногда есть: Дороти назовет – Нави улыбнется. Чаще нету: «Неправильное число! Скажи другое, ну пожалуйста!» Будет ли смысл – сама Дороти не различала. На ее взгляд, сто пятьдесят два – обычное число, ничем не лучше прочих.

Однажды в голове всплыло, и она сказала:

– Пять с полтиной.

Именно так, дробью. Нави остался очень доволен, не трогал ее целый час. Дороти не знала смысла числа, но теперь, в час раздумий откуда-то пришла догадка: рыба. Пять с полтиной агатов стоит ведро сельди. Только на Севере, и только если брать много – несколько ведер. Откуда это знала Дороти, в жизни не покидавшая Земли Короны?.. Неизвестно, откуда. Но она чувствовала странную уверенность: если сесть в корабль, приплыть в Беломорье, пойти на рынок и спросить ведро селедки – с тебя спросят шесть агат, а за пять с половиной сторгуешься.

Возможно, и с остальными правильными числами так же? Может быть, правильное число – такое, что означает что-нибудь где-нибудь? Цену какого-то товара в какой-то земле, число солдат в чьей-то армии, жителей в каком-нибудь городе? Боги, но это же невозможно попасть! Всего чисел – несметное множество, а чисел со значением – поди, какая-нибудь тысяча, может, две...

Соседки по комнате спали, но Дороти посетила мысль, и она, преодолев робость, потребила Карен-Кейтлин:

– Скажи мне число.

– Шесть, – выдохнула Карен еще сквозь сон.

Потом вздрогнула, страхнула дрему, повернулась к Дороти, мертвецки белая в лунном свете.

– Неразумно, миледи. Мои числа не подойдут Нави – я сама их говорила.

– Почему ты зовешь меня миледи?

– По той же причине, по которой вы зовете меня «ты».

– Скажи еще число.

– Миледи, дайте мне покой.

Тусклыми глазами Карен указала на Аннет и отвернулась к стене. Тьма, а Карен умна! Личные числа Аннет Нави еще не слышал! Дороти разбудила вторую соседку.

– Назови число, Аннет.

Девушка резко села на кровати.

– Аннет – это я. А какое число тебе сказать? Я бы сказала, но нужно понять: какое тебе число? Один или два, или три?

– Любое.

– Ой... Как это так – любое? Любое число я не знаю. Вот послушай: меня зовут Аннет, а не как-нибудь. Если бы меня звали как-нибудь, то я бы не могла сказать свое имя. Никого не называют как-нибудь, а только по имени.

– Сколько тебе лет, Аннет?

– О, боги. Как бы не соврать... Аннет – это я, а сколько мне лет – ох, ну ты спросишь. Я думаю, двадцать три. Но может быть, двадцать четыре или двадцать пять. Вряд ли больше, чем тридцать.

– Сколько ты весишь? Каков твой рост?

– Ох-ох-ох...

Аннет поднялась с кровати и заметалась по комнате.

– Что же ты такие вопросы ставишь! Я же могу соврать, и ты обидишься, а я не хочу тебя обижать. Я хорошо себя веду, я не хочу про-це-дуру. Сколько же я вешу?..

– Аннет, успокойся, милая, я не обижусь на тебя. Просто скажи, сколько в тебе фунтов и сколько футов. Тебе платье шили когда-нибудь? Снимали мерку? Сколько дюймов было в груди и в талии?

Вместо того, чтобы успокоиться, Аннет запричитала еще громче и еще быстрее заметалась по комнате.

– Боги святые! Дюймов... футов... фунтов... помилуй меня! Я – Аннет, мне двадцать три года... или двадцать четыре. Платье мне шили... ну, обычное платье, не большое и не маленькое. Не было в нем дюймов...

– Оставьте ее, миледи, – шепнула Карен. – Это безнадежно.

От ее слов и Дороти, и Аннет разом утихли, но Аннет продолжала вышагивать по комнате, и Дороти осенило:

– Милая, пройдишь из угла в угол. Сколько шагов?

– Десять! – радостно выпалила Аннет. Уж это она сосчитала точно.

– А вдоль стены?

– Восемь... с кусочком.

– А вдоль другой?

– Пять... кажется. Кровать мешает. Хочешь, я по кровати пройду?..

Еще полчаса Дороти затратила, чтобы обмерить шагами все предметы в комнате: кровати, дверь, окно, расстояние от двери до ведра с нечистотами, промежутки между кроватями. Прекрасные числа! Каждое имеет значение и ни одно не известно Нави!

А утром пришел ужас: она забыла все. Дырявая, как решето, память не сберегла ни одного числа. И перемерять комнату заново было некогда: медбратья подняли ее, велели вынести ведро, а потом увели на завтрак.

Часом позже Дороти села на свое место рядом с Нави, изо всех сил сутулясь, будто пытаясь скрыться от него. Но где там!

– Здравствуй! Я так рад, что ты пришла! Скажи мне число, чтобы утро стало добрым!

И она, чуть не плача, застонала в ответ:

– Да чтоб тебе язык отсох, подлец! Ты хоть знаешь, как меня измучил? Я ради тебя полночи не спала, выдумывала числа, вспоминала, измеряла, соседок пытала. А теперь все забыла – все! И это из-за тебя! Если б ты меня не изводил каждый день, может, что-то держалось бы в памяти. Так нет, все мысли ты из меня вытравил, кроме своих проклятых чисел!

Она перевела дух и вдруг вспомнила одно:

– Двадцать три.

Нави моргнул.

– Как любопытно... Спасибо тебе, вкусное число.

Он умолк на полчаса. Дороти писала третью главу «Розы и смерти» и лихорадочно вспоминала: что еще было? Вроде, комнату измеряли шагами. А сколько получилось? Аннет прошла и назвала число... но какое?

– Скажи число, – проголодался Нави. Именно тогда Дороти вспомнила первый размер:

– Десять.

Нави не ответил ничего. Было заметно его беспокойство – Нави будто не знал, правильное число или нет. Надо вспомнить остальные. Может, вкуче с ними он скушает и десятку. Дороти отложила перо и двумя пальцами прошагала по странице, пытаясь вспомнить ходьбу Аннет. Сколько ж там шагов выходило...

– Пять, – робко шепнула Дороти.

Тут же отругала себя: пять – глупое число. Слишком оно частое – например, пять пальцев на руке или пять правителей в Шиммери. Кто-то уже точно скормил безумцу эту цифру. Однако Нави промолчал. Он не насытился, но и не отверг число – ждал продолжения.

Спустя четверть часа Дороти вспомнила третий размер:

– Восемь!

– Так быть не может, – отрезал Нави. – Пожалуйста, не обманывай меня, скажи правильно.

– Палач ты бессердечный! Ну откуда знаешь, правильное оно или...

Дороти осеклась, когда поняла: Нави прав. Там было не ровно восемь шагов, а...

– Восемь с кусочком.

Нави улыбнулся:

– Я думаю, восемь и шестьдесят шесть сотых. Спасибо тебе. Ты хорошая.

Он молчал целый час. Дороти выводила слащавые строки романа, перо уверенно шуршало по бумаге, а сама думала: откуда он знает, какой именно был кусочек? Вечером надо перемерять. Нет, глупо, шаги не посчитаешь до сотых долей... Но если бы можно было, то наверняка вышло бы именно восемь и шестьдесят шесть. Нави – чокнутый безумец с ураганом вместо мозга, но уж в числах он знает толк.

– Скажи число, ну пожалуйста!

– Тьма тебя! Что, снова?

– Уже час прошел... – глазенки юноши стали круглыми и виноватыми.

Дороти глубоко вздохнула. Она сумела вспомнить еще только одно число, и проку от него не будет. Это шестерка леди Карен, сама леди Карен точно когда-то называла ее.

Дороти выдохнула, заранее кривясь от безнадёги:

– Шесть.

– Неправильное... – начал Нави, но умолк. Внимательно так поглядел ей в лицо. – Очень интересно. Кто тебе сказал это число?

– Шесть! – твердо повторила Дороти. – Хочешь бери, а хочешь нет, но отчитываться я не стану.

– Шесть... Благодарю тебя.

И он промолчал еще полчаса, а она переписала без малого страницу, и мастер Густав отзвонил перерыв, и тогда Нави сказал:

– Дай мне еще число, будь так добра.

– Перерыв же! – возмутилась Дороти.

– У тебя сегодня отличные числа. Очень вкусные. Пожалуйста, что тебе стоит!..

Дороти ощутила в себе странный задор и сделала то, чего не делала прежде: подшутила над Нави.

– Семь!

В семерке точно не было смысла. Просто сегодня звучало уже пять, шесть и восемь, вот Дороти и заткнула дыру. Посмотрим, заметит ли Нави, что скушал затычку!

– Зачем ты меня обманываешь? Число же неправильное, – буркнул Нави.

Но вдруг изменился в лице. Он смотрел на нее, она – на него. Grimаска обиды сползла с лица юноши, уступив место удивлению, затем – потрясению. Глядя в лицо Нави, как в зеркало, Дороти ощутила нечто. Тьма сожри, а ведь семерка – правильное число! Теперь это ясно, как день. Семь – число сильное, даже могучее. Многие смеются над семеркой: вот восемь – свя-

ценная цифра, а семь – недоделка, недолет. Но они не понимают, а Дороти знает теперь: семь – это сила. Пока число звучало в голове, Дороти наполнялась давным-давно забытым чувством: гордостью.

- Семь, – властно повторила она.
- Семь, – эхом шепнул Нави.
- Сегодня ты больше не спросишь ни о чем.
- Да, обещаю.

То был первый случай, когда Нави сдержал слово. До вечера он молчал, и лишь напоследок уважительно повторил:

- Семь.

Вернувшись в комнату, она приказала Аннет пройти вдоль стены. Длина комнаты составляла восемь целых и две трети шага.

* * *

Следующим днем Дороти нашла еще три правильных числа: сорок восемь, двенадцать тысяч, четыре. Четверка была слабее остальных двух, но даже в ней чувствовалась скрытая сила. Эти числа имели вес, от них просто так не отмахнешься, не выкинешь из головы. Но семь по-прежнему оставалось самым властным из правильных чисел. Думая о нем, Дороти поражалась: как могла она прежде не чувствовать его мощи?

Вечером она спросила у Карен-Кейтлин:

- Что значит число семь?
- Не имею представления, миледи. Это ваше число.
- А твое – шесть. Что оно значит?

Дороти видела, как потемнело лицо Карен.

- Ничего. Оставьте меня.
- Ты знаешь больше, чем говоришь.

Сказав эти слова, Дороти ощутила не столько обиду, сколько удивление. Она ждала, что Карен ответит честно. Дороти заслуживает честного ответа, ведь ее число – семь!

Станным образом семерка сообщала ей веру в собственные права, возможность требовать и настаивать на своем.

Следующим днем Нави пристал к ней: «Скажи число!» – и Дороти отрезала:

- Нет, сначала ты мне скажи. Как тебя зовут?
- Он опешил:
- Я – Нави.
- Это не имя. Ни одна мама не додумается так назвать ребенка.
- Я – Нави!
- А дальше? Имя матери, имя отца?
- Я – Нави...
- Тогда не видать тебе числа.

Его губы тут же капризно скривились:

- Скажи число, ну пожалуйста!
- Нет.

Она обмакнула перо и принялась писать.

- Скажи! Ну скажи же!..

Дороти не обратила на него внимания. Оказалось, это просто: достаточно думать о семерке. Нави повторил просьбу раз десять, а потом завыл по-собачьи и выронил перо. Подбежал мастер Густав:

- Что происходит, тьма бы вас?

– Я делаю свое дело, – сказала Дороти. – Он – нет.

– Она не дает число! Она не хочет, она плохая!

Густав обратился к Дороти:

– Скажи ему чертово число, пусть он умолкнет и пишет чертову книгу.

– С ним и говорите, мастер Густав. Его беда, что он не пишет.

Густав взял ее за подбородок:

– Послушай-ка, барышня. У Нави в голове нет ничего, кроме цифр и дохлой мухи. С ним говорить – все равно, что косить траву ложкой. У тебя сохранилась еще кроха мозгов, ты хоть что-нибудь можешь понять, потому дай ему чертово число, или выкину тебя из мастерской!

В этот раз ее мятёж провалился, но Дороти знала, что была близка к успеху. Она ощущала в себе новую силу.

– Хочешь число? Ну, получай: сто шестьдесят три с половиной тысячи квадратных.

– Ты дура? – бросил Густав. – Каких к черту квадратов?

Но она знала откуда-то, что данное число будет правильным только так, с прибавкой «квадратных». И попала в точку. Нави просиял, сказал: «Спасибо, преогромное спасибо!» – и промолчал больше часа.

Когда он снова раскрыл рот, Дороти поставила условие:

– Вот как мы с тобой будем. Хочешь число – скажи о себе. Из какого ты города?

– Из... Алеридана.

– Лжешь.

– Из Фаунтерры.

– Нет.

– Из Уэймара.

– Чушь!

– Почему ты думаешь, что вру? Может, и не вру совсем...

– Я слышу, что ты сам себе не веришь. Откуда ты? Скажи честно, или никаких чисел.

У Нави задрожали губы.

– Я... не знаю.

– То есть как – не знаешь? А сколько тебе лет?

– Двадцать... восемнадцать... не знаю.

– Что ты врешь-то!

Тут Дороти подумала о себе: а сколько лет ей самой? Вроде, тридцать семь. Но это число она вспоминала долго, муторно, вытаскивала из густого тумана. А родной город? Да, Маренго, но ведь не сама она это вспомнила. Ей магистр Маллин намекнул, только с его помощью и сообразила.

– Я поняла, – воскликнула Дороти, – ты не врешь, тебе отшибло память!

Юноша моргнул, в глазах показались слезы.

– Не обижайся, я же не знала. Правда ничего не помнишь? Хоть родителей-то?..

– Ничего...

– А что случилось с тобой – помнишь? Как исчезла память? Ты упал откуда-то? По голове ударили?

– Ну не помню я... Скажи число, пожалуйста...

– Так и быть. Число – семнадцать семьдесят четыре.

– Спасибо, – он шмыгнул носом. – Ты хорошая.

На следующий день Дороти вызвал магистр Маллин. Он, как обычно, пил. В этот раз – пахучий густой напиток цвета дубовой коры. Ханты старого Гримсдейла, – каким-то образом поняла Дороти. Если бы эти слова были числом, оно оказалось бы правильным.

– Дороти Слай, я рад всем новостям, которые о тебе слышу! – магистр всплеснул руками. – Ты решительно шагаешь по пути исцеления. Вне всяких сомнений, ты сегодняшняя лучше тебя вчерашней.

Дороти оробела от столь внезапной похвалы.

– Магистр, но я очень редко выполняю дневную норму. Мастер Густав часто недоволен мною...

– Пхе! Мастер Густав – ремесленник с грязными ногтями, он только и может думать про работу. Но мы с тобой должны понимать: работа – всего лишь средство для исцеления. Ты находишься в обители любви и заботы, и наша с тобой главная цель – победа над хворью. К этой цели мы стремительно приближаемся.

– Да, магистр.

– Ответь-ка мне: ты больше не видишь кошмаров?

– Нет, магистр.

– Не чувствуешь беспричинного гнева, не хочешь кричать и нападать на людей?

– Ни в коем случае!

– Больше не путаешься в том, кто ты?

– Я – Дороти Слай из города Маренго, кузина гвардейского майора. Правда, я очень плохо помню своих родителей...

– Это не беда. Хворь еще не побеждена до конца, потому болезненный туман еще витает в твоём сознании. Когда она окончательно отступит, ты вспомнишь все, что нужно.

– Да, магистр.

Он задал еще ряд вопросов, чтобы убедиться, что Дороти уверена в своей личности и всецело принимает любовь и заботу, изливаемые на нее лекарями. Ее ответы оставили Маллину совершенно удовлетворенным.

Когда он собрался ее выпроводить, Дороти набралась смелости и спросила сама:

– Магистр, скажите, чем болен Нави?

Он сразу нахмурился:

– Тебе ни к чему это знать. Тебе бы понравилось, если бы все вокруг болтали о твоей болезни?

– Магистр, это очень нужно мне для душевной гармонии и для новых шагов по пути исцеления. Нави мне сильно досаждаёт, тяжело справляться с раздражением, так и хочется стукнуть его. А если я пойму, насколько сильно он болен, то не буду злиться: ведь это не Нави виноват, а его хворь.

– Что ж, ты разумно обосновала свою потребность, и это заслуживает награды. Я отвечу тебе. Нави страдает тяжелой асимметрией рассудка. Все умственные силы, данные ему богами, затрачиваются на работу с числами: на их запоминание, складывание, вычитание, деление. Асимметрия также помогает ему очень быстро и красиво выписывать буквы: наверное, его хворому рассудку буквы напоминают цифры. Но на все остальные размышления, привычные здоровому человеку, его умственных сил не хватает. Потому Нави не может ни вспомнить свою семью, ни поддержать успешную беседу, ни даже хранить молчание, занимая себя собственными мыслями.

– Вот как... Спасибо вам, магистр. А Нави быстро идет по пути исцеления?

Маллин рассмеялся:

– Скорее улитка переползет базарную площадь, чем Нави придет к избавлению от хвори. Нет никакой надежды на его выздоровление. В отличие от тебя, Дороти, Нави никогда не познает радости трезвомыслия.

– А он уже давно тут?

– На моей памяти восемь лет... Хотя решительно не понимаю, зачем это тебе нужно.

– Благодарю, магистр.

Восемь лет. Число потрясло ее. На взгляд, Нави не дашь больше восемнадцати. Значит, он захворал и угодил в лечебницу десятилетним мальчиком! На своем коротком веку не знал ни женщин, ни любви, ни свободы, ни странствий. Ничего, кроме процедур и стен писчего цеха!

Не желая верить подобному кошмару, Дороти за ужином спросила Карен:

– Миледи, сколько лет здесь находится Нави?

Женщина выронила ложку и устремила на Дороти внимательный взгляд:

– Почему вы назвали меня миледи?

– Вы так зовете меня. Я подумала, вам будет приятно, чтобы и я так говорила.

Карен долго молчала, будто вовсе забыв о Дороти. Когда та уже устала ждать ответа, Карен вдруг сказала:

– Десять лет, миледи.

– Магистр Маллин сказал – восемь.

– Магистр Маллин прибыл восемь лет назад, это верно. А Нави появился за две зимы до него.

– Боги! Он захворал, когда был совсем ребенком!

Карен-Кейтлин снова выдержала долгую паузу.

– Когда Нави прибыл, миледи, он не выглядел ребенком. Ему было лет шестнадцать или восемнадцать.

– Миледи, вы ошибаетесь! Это сейчас ему не то шестнадцать, не то восемнадцать!

– Вы правы, миледи, сейчас тоже. За все время, что я его знаю, Нави совершенно не изменился.

– Как это может быть?!

Но Карен уже потеряла желание беседовать, а в трапезную вошел лекарь Финджер для вечерней молитвы богам терапии. Голоса безумцев зашумели хором:

– Что нас терзает?

– Душевный недуг!

– Что мы делаем?!

– Идем к исцелению!

– Где мы находимся?

– В обители заботы! Там, где нас любят и принимают!

Перед сном Дороти вновь попыталась расспросить соседку:

– Не может быть, миледи. Нави не изменился за десять лет – как это возможно? Вероятно, вы ошиблись со сроком! Не десять лет, а года два или три.

– Десять лет и два месяца, если быть точной.

– Верно, вы путаете!

– Нет, миледи.

– Но вас же иногда подводит память. Я вас спросила: что значит шесть? Вы не вспомнили. Может, и с десятью годами то же самое?

Карен холодно осведомилась:

– А сколько лет здесь вы, миледи?

– Я-то?..

Дороти опешила.

– Наверное, полгода... Нет, год... Или... Миледи, почему вы спрашиваете?

– Вы прибыли минувшим декабрем. Сейчас апрель. Вы провели в лечебнице неполных четыре месяца, за которые успели утратить память, позабыть все на свете и стать послушной овцой. А я здесь восемнадцать лет. Я помню каждый месяц и каждый день. Помню, кто привез меня сюда и почему, и по чьему приказу. Помню, тьма сожри, какая стояла погода первым

днем, какое платье было на мне, какие слова я услышала. Память – единственное, что осталось. Не смейте думать, будто я могла что-нибудь забыть!

Дороти устала на нее, потрясенная обвинением, а еще больше – силою чувств в словах Карен. Это было так, будто холодный мертвец скинул крышку гроба, вскочил и зарыдал от боли.

– Простите, миледи, – выдохнула Дороти.

– Вы ничего не знаете, – с презрением бросила Карен и рухнула на постель, истощенная, измученная своею вспышкой.

Этой ночью Дороти увидела кошмар – первый за несколько недель. К счастью, на сей раз она сразу поняла, что видит сон, однако не смогла заставить себя проснуться. Огромная рука в перчатке цвета ртути обхватила ее вокруг живота, подняла над землей и сжала. Что-то зашевелилось внутри Дороти, ноги сами собою раздвинулись, чулки порвались, и из ее лона наземь выпала кукла. Стальная рука отбросила Дороти и подняла игрушку. Кукла изображала рыжую девушку в зеленом платье. Одним щелчком пальцев рука отломала кукле голову.

Дороти проснулась в поту. Кошмар напомнил ей прежние жуткие видения: море из щупалец, человеческие торсы на колесах, трупы с пришитыми лицами. Она взмолилась беззвучно: нет, пожалуйста, не нужно этого снова! Не хочу думать, не хочу вспоминать! Я на пути исцеления, у меня все хорошо, магистр меня хвалит. Я – Дороти Слай из Маренго. Я уверена в этом!

В писчем цеху Нави жадно накинута на нее. Дороти метала ему числа, как кости. Сегодня это выходило очень легко. Один и семь десятых миллиона. Четыреста пятьдесят пять миль. Тринадцать. Да, тринадцать. Неважно, что число общеизвестное, – сегодня оно подойдет. Двадцать два фута. Она даже знала смысл последнего числа: это самая мелкая точка фарватера некой северной реки. Если осадка судна превышает двадцать два, надо разгрузить его и пройти порожняком. Не знаю, откуда я знаю это. Не хочу знать.

Или хочу?..

За обедом Дороти под села к Карен.

– Миледи, простите меня. Вчера я поступила недостойно, не поверив вашим словам.

– Да, миледи, – равнодушно бросила Карен, срезая верхушку яйца.

– Прошу вас: скажите, чего я не знаю.

– Вам этого не нужно, миледи.

– Я хочу знать.

Карен качнула головой:

– Нет.

– Миледи, думается, это мне следует решать, а не вам.

– Но вы не знаете, о чем просите.

Карен повернулась к ней и сделала то, чего никак нельзя было ожидать: погладила Дороти по волосам. Сухие костлявые пальцы скользнули с головы на шею, коснулись ключицы.

– Вы красивы и здоровы, миледи. Полагаю, вы проживете здесь еще десять или двадцать лет. Каждый день вы будете мучиться из-за своих воспоминаний. Я не возьму эту вину на себя.

– Десять или двадцать лет? Миледи, вы шутите! Я иду по пути исцеления, я почти достигла гармонии! Скоро вылечусь и вернусь домой!

– Да, миледи, – смиренно кивнула Карен. – Я вижу, как ваш недуг отступает.

Карен-Кейтлин взяла ложечку, чтобы вынуть желток из яйца. Она была иссиня бледна, болезненно худа, страшна как мумия. Дороти с ужасом подумала: это не человек, а труп ест яйцо, которое все равно не сможет переварить. Ест просто по привычке, поскольку при жизни так делал. До смерти это была красивая женщина, ее любили, ее целовали, носили на руках. Она одевалась в кружева, танцевала на балах, пила кофе из фарфоровых чашечек... Она умерла, ее нутро съели черви, а глаза склевали вороны. Но она все еще может говорить!

Дороти отпрянула, бросив истлевшую Карен, вернулась к живому и теплому Нави. Сказала себе: меня не касаются мысли мертвеца. Я иду путем исцеления и скоро совсем выздоровею. Что бы ни сказала Карен – это неправда, это нашептали черви, живущие в ее черепе. Ничего не хочу знать.

Кроме одного.

– Нави, скажи мне, что значит число семь?

– Это твое число.

– Да. Но ты его принял, значит, оно правильное. Ты понял его смысл. Скажи его.

Нави пожевал губы.

– Н-не знаю, Дороти. Н-не понимаю. Я забыл.

– Не верю. Что значит семь?

– Скажи мне число.

– Ответь на вопрос.

– Я же сказал: не могу, не помню, не знаю! Я же болен, у меня в голове хворь! Скажи число, ну пожалуйста!

Дороти взвесила число, как камень перед броском:

– Десять лет... и два месяца.

Нави побледнел.

– Это мое число.

– Вот видишь: все ты помнишь, воробушек. Так ответь на мой вопрос!

– Нет, пожалуйста!

Дороти знала, что делать. Еще бы: она несколько раз назвала вслух свое главное число, сила пульсировала в ее жилах.

Пока мастер Густав проверял работу переписчиков, она украла с его стола чистый лист и обломок карандаша. Ночью забралась на подоконник и под лучами лунного света столбиком записала алфавит. Рядом с каждой буквой проставила ее номер. Собрала из номеров нужную фразу и выучила наизусть. Клочок бумаги с алфавитом спрятала за манжету.

– Скажи мне... – начал утром Нави.

– Я скажу тебе число. Много чисел. Раз так любишь числа – я буду говорить на твоём языке. Двадцать пять – двадцать – шестнадцать – девять – пятнадцать...

«Ч-т-о-з-н-а-ч-и-т-с-е-м-ь»

Нави поморгал, потер собственные уши. Кажется, не сразу поверил услышанному. Потом свел брови к переносице, совершая какой-то мучительный выбор.

– Хорошо. Только не злись на меня, пожалуйста. Семнадцать – восемнадцать – один – четырнадцать...

Монета – 4

*Конец марта 1775 г. от Сошествия
Мелисон, Лаэм (королевство Шиммери)*

– Давай улетим, – сказала Низа.

После ужина сидела на балконе, смотрела на скалы в розовом свете закатного солнца, слушала хармоново тревожное молчание (а молчал он о том, как не хочется, как, тьма сожри, не хочется иметь во врагах Второго из Пяти) – и вдруг сказала так, будто этими словами дается ответ на все возможные вопросы:

– Давай улетим.

Хармон подождал, не будет ли продолжения. Его не было, и Хармон запоздало хохотнул.

– И куда ж мы полетим, а?

– Куда-нибудь, – сказал Низа.

– А чем мы там займемся?

– Чем-нибудь.

Он снова подождал – не засмеется ли девушка. Нет, она в своих словах ничего смешного не видела.

– Ха-ха, – осклабился Хармон. – Это ты прекрасно выдумала – куда-нибудь, чем-нибудь. Завидую я вам, молодым!

– Что я сказала не так? – ошетижилась Низа.

– Да то, что думать надо наперед! Сначала думать – потом делать, а не наоборот. Сбежим мы отсюда – наживем сильного врага. А у меня, чтобы ты знала, и в Южном Пути враги имеются. Значит, ни Южный Путь, ни Шиммери нам не подходят. В Литленде война, в Рейс тоже нельзя – сама догадайся, почему. Этак мы еще в воздух не поднялись, а треть Полариса уже вычеркнули.

– Осталось две трети, – сказала Низа.

– Потом, как туда долететь? Это ж не просто – взлетел и пошел. Надо каждый день садиться, ждать нужно ветра, пополнять запасы. А где садиться, чтобы ни бандитам, ни шаванам, ни Второму в лапы не попасть?

– Сверху далеко видно. Найдем место.

– А когда прилетим туда, куда ты хочешь, – на что там жить будем? За поместье много не выручишь, если продавать в спешке. Небесный корабль никто кроме Второго не купит. Вот и будут только те деньги, что у меня накоплены, а их осталось всего-то...

Осталось их тысяча двести эфесов, и Хармон вовремя сообразил не называть сумму вслух. Сумма эта в двести сорок раз превышает цену самой Низы. Не стоит обозначать ее словом «всего-то».

– ...не так уж много. На пару лет хватит, а там и все. Как жить, спрашивается?

– Проживем, не пропадем.

– Вот молодежь!.. Ну, и куда же ты хочешь податься?

– Говорят, в Альмере неплохо. И в Короне тоже.

– В Короне теперь Ориджины, они твои враги.

– Не знаю. Они мне вреда не причиняли.

Хармон всплеснул ладонями:

– Вот же святая беспечность! Знала бы, как я тебе завидую. Взять вот так и бросить все, ни о чем не думая...

– Что – все? – спросила Низа.

– Ты о чем?

– Что ты не можешь бросить, славный?

– Да говорю же – все!

– Ну что – все?

– Тьма тебя сожри, сама что ли не понимаешь? Поместье – раз. Деньги за шар – два. Саму жизнь – три. Все только наладилось, устроилось – как тут, понимаешь...

Низа отвлеклась от заходящего солнца и цепким взглядом впилась в лицо Хармона.

– Славный, я тебя полгода знаю. Ты многое имеешь, но я не замечала, чтобы ты хоть что-нибудь ценил.

– Вот это придумала!..

Низа смотрела с полной уверенностью, и слова застряли в горле Хармона. Он стал мысленно перебирать. Чертов шар ценю! Нет, не ценю, купил для Низы и для денег. Тогда – ценю Низу. Да нет, тоже не очень, если разобраться. Приятно об нее самолюбие потешить, но чтоб ее саму, как человека... Только дважды вспыхивала искра – когда поссорились и когда шар сорвался. В остальное время – холодно. Тогда – деньги ценю. Я торговец, тьма сожри! Как мне не ценить монету?.. С ужасом Хармон понял, что и здесь промашка. Это раньше он деньги ценил! Раньше за две тысячи эфесов продал бы что угодно не задумываясь – и шар, и Низу, и мать родную! А теперь сомневается вот, колеблется. Нет уже той беззаветной любви к деньгам, и без нее – пусто и страшно. Если даже не деньги, то что же ты любишь, Хармон Паула?!

Всего только одной вещью он точно дорожил – но о той вещи Низа не знала. Ответить было нечего.

– Хм... Я, знаешь, ну... А сама ты что ценишь?

– Имеешь коня и седло – имеешь все. Так в Степи говорят. Значит: если ты свободен и можешь скакать верхом, то все найдешь, что нужно.

– Вот прямо все?..

– Я не понимаю тебя, славный. И других южных богачей – тоже. Деньги нужны для свободы. Тем больше денег – тем больше ты можешь. Но если тебя монета приковала к земле – зачем она нужна?

Это было очень много слов по меркам Низы. Она уже сказала больше, чем за иную неделю. Но видно так была важна тема, что Низа добавила еще:

– Боюсь, славный, Дух Степи тебя проклял. Ты не видишь ценности того, чем владеешь, а когда увидишь – будет поздно. В твоём стойле стоит небесный конь. Ни у кого в целом свете такого нет. Взлетай и лети куда хочешь, над горами и реками, над степью и морем. Ни Моран Степной Огонь, ни шиммерийский принц, ни герцог северян, ни владычица – никто так не может, только ты! И я, если позволишь. А ты эту свободу хочешь сменить на золото! Знаешь, почему тот маркиз не торговался с тобой? Да потому, что он зрячий, а ты слеп.

Она яростно сверкнула глазами – и вдруг сникла, осунулась, будто монолог и чувство истожили ее. Пролепетала:

– Прости, славный...

Поднялась.

– Постой! – бросил Хармон.

Но не нашел, что еще сказать. Не дождавшись его слов, Низа ушла.

* * *

Хармон Паула напросился на обед к бургомистру Корнелию с единственной целью: спросить о Втором из Пяти. Не грубо, но настойчиво он повернул разговор в нужное русло: что это за граф-аббат, насколько он влиятелен вообще в Шиммери и конкретно в Мелисоне? Уж простите мне глупые вопросы, просветите приезжего невежу. Обрадованный величиною своих познаний и возможностью их высказать, Корнелий начал издали – сперва рассказал про Совет Пяти.

Шиммерийское дворянство славится плодovitостью и с огромной охотой устраивает будущее своих детей путем брачных договоров. За пару веков получилось так, что вся высшая знать породнилась между собой, и в каждой вельможной семье присутствовал хотя бы один родич короля. Каждая семья могла попробовать учинить переворот в свою пользу – что неоднократно и делала. В начале восемнадцатого века за десять лет сменилось семь королей, и тогда знать решила: довольно. Все-таки первая мечта шиммерийцев – богатство, а для торговых успехов нужна стабильная власть. Пять сильнейших родов договорились меж собою: первый из них займет престол, остальные не будут претендовать на него, зато получают право голоса в важнейших государственных вопросах. Король обязан учитывать мнение совета и уступать, если большинство против него. Совет обязан уважать королевскую власть, кто уличен в заговоре, тот покидает совет. Так и возник Совет Пяти.

Исторически сложилось так, что каждый род, входящий в Совет, более других преуспевал в одном деле: Первый из Пяти – в зодчестве и наемном воинстве, Второй – в торговле чаем, Третий – в виноделии, Четвертый – в шелке, Пятый – в кораблестроении. Помимо того, каждый из Пяти владел шахтами, где добываются искровые очи, и, что особенно важно, секретом их огранки. Кроме Пяти, многие вельможи выращивали чай, торговали шелком, строили корабли, возводили дворцы, собирали наемничьи бригады, – но никто, кроме Пяти, не мог добывать и гранить очи. Эту монополию Совет Пяти берег особенно свято. А к слову сказать, огранка – главное, что есть в очах. Не сказочно сложно найти сырое око в горных породах, но огранить его так, чтобы годилось для оружия, – это великое мастерство!

Титул Первого из Пяти носит законный правитель Шиммери. Во времена владыки Телуриана Первым был король Франциск-Илиан. Ох и славно он правил! Солнечное королевство и прежде не бедствовало, а при Франциск-Илиане буквально потонуло в достатке. Мастер Корнелий помнил, как на собрании гильдии виноделов решено было повысить цены на треть, а год спустя – еще на треть, и продажи от этого все равно не упали. Столько денег пришло в Лаэм, что горожане почти отучились торговаться! И все благодаря Франциск-Илиану. Потом король удалился в святое отшельничество, а власть передал принцу. Гектор тоже справлялся недурно, пока не позволил шаванам себя побить. Печаль и позор! Говорят, Степной Огонь применил идовскую хитрость. Чтобы обмануть Гектора, принес в жертву двух своих лучших всадников. Да, именно в жертву. Отрубил им головы и нагой искупался в их крови, тогда Темный Идо дал ему победить. Вот такие эти шаваны. Ты, славный Хорам, будь поосторожнее со своей Низой. Я понимаю, коль уплатил за нее цену, то жалко теперь прогнать, но все ж остерегайся, мой тебе совет.

Хармон внес поправку в ход беседы:

– А что вы, мастер Корнелий, скажете о Втором из Пяти?

Бургомистр на глазах расцвел. Историю графа Куиндара, Второго из Пяти, знал всякий образованный человек в Шиммери, – кроме Хармона. Как говорилось выше, знатнейшие семьи ревностно хранят секрет огранки боевых очей. Каждый из Пяти выбирает одного из своих ближайших родичей, чтобы тот лично овладел секретом и мог присматривать за наемными мастерами. Даже одна из шестнадцати дочерей Франциск-Илиана умеет гранить искровые очи! Молодому лорду Хорею Куиндару выпала та же судьба. Он был третьим ребенком в семье и не мог унаследовать власть, потому овладел фамильным секретом и стал мастером-огранщиком. Но вышло так, что старшая сестра Хорея нашла прекрасного жениха и укатила не то в Южный Путь, не то в Закатный Берег, а старший брат Хорея так расстроил отца своим разгулом, что был лишен наследства. И вот лорд-огранщик получил титул графа и стал Вторым из Пяти.

Он уделил мало внимания исконному делу семьи – чайным плантациям. Занялся тем, что было ему близко, – очами. Ездил в столицу, беседовал с владыкой Телурианом, описывал все возможные применения очей – не только в оружии, а и в двигателях, станках, и всякой другой машинерии. Добился того, что Корона на половину повысила закупки очей, и стал героем среди

шиммерийской знати. Сам король Франциск-Илиан здоровался с ним за руку! Но где-то около Шутовского заговора – не то сразу после, не то ровно перед – случился поворот.

В землях Второго из Пяти находится чудо природы: Бездонный Провал. Это творение богов само по себе не принадлежит никому, но землями вокруг Провала владеют графы Куиндар, в том числе и тою скалой, на которой стоит Башня-Зуб – цитадель Максимиановского ордена. В башне над бездною прочно обосновался монастырь, а графы Куиндар привыкли ему покровительствовать. Когда Хорей Куиндар унаследовал титул, аббат монастыря стал приглашать его в гости, чтобы отдать дань уважения. Но Хорею все выходил недосуг, больно он был занят искровыми делами. Лишь на четвертом году своего правления Второй из Пяти нашел время и посетил монастырь. То ли беседуя с аббатом, то ли читая священные тексты, то ли заглядывая в бездну, покрытую туманом, граф Хорей решил изменить свою жизнь. Он отправился в духовную семинарию и за четыре года получил сан святого отца. Он не ушел от власти, продолжал заседать в Совете Пяти и торговать очами, но сделался ближе к богам и стал лучше слышать их волю. Обитель-у-Бездны граф теперь посещал регулярно и благодетельствовал ее щедрыми дарами, среди которых бывали даже Предметы. Когда почил настоятель, максимиановские братья единодушно избрали новым аббатом Хорея Куиндара, Второго из Пяти. Так мастер-огранщик стал сперва графом, затем богачом, а затем и святым.

Ничто из услышанного не порадовало Хармона Паулу. Граф Куиндар представлялся человеком умным, влиятельным и целеустремленным. Если он решил завладеть небесным кораблем – кто помешает?

– Скажите, мастер Корнелий, что вы знаете о Третьем из Пяти? Он же хозяин здешних мест, верно? Нет ли у него каких-нибудь конфликтов со Вторым?

Корнелий очень удивился. Какие конфликты, зачем? Вот с принцем Гектором у Третьего вышла ссора, это правда. Будучи царем виноделов, Третий из Пяти снабжал двор принца лучшими винами и водил с Гектором дружбу, построенную на почве любви к жизненным уладам. Но однажды его высочество позарился на лучшую альтессу Третьего – и увел. С тех пор Третий из Пяти не раз посещал короля-пророка, уговаривал вернуться на престол и скинуть Гектора. А поскольку пророк отшельничал в Обители-у-Бездны – считай, в гостях у Второго, – то Второй с Третьим недурно поладили.

– То бишь, если Второй из Пяти решит покуролесить в землях Третьего, тот не станет препятствовать?

– Покуролесить – это вы имеете в виду что-нибудь, противное закону? И с чего бы члену Совета Пяти такое делать? А тем более, в чужих землях! Нет, славный, на сей счет будьте совершенно спокойны: если где-нибудь на Севере такое и делается, то у нас в Шиммери – никоим образом!

Хармон покинул дом бургомистра, чувствуя нечто противоположное совершенному покою. А на улице, к тому же, случился конфуз. Спеша сесть в экипаж, Хармон столкнулся с прохожим. То было странно, ведь в Мелисоне прохожих довольно мало и передвигаются они неторопливо. Но этот возник будто из-под земли, Хармон ударился в его крепкое плечо и чуть не упал. Прохожий поддержал его:

– Осторожнее, славный. Берегите себя.

– Благодарю, – ответил Хармон и попытался сесть в бричку, но прохожий все еще сжимал его плечо.

– Пришло время, славный. Я надеюсь, вы сделали выбор.

Хармон уставился на прохожего, и первой мыслью было: какого черта, рано еще! А второй: тьма сожри, он ведь не южанин. Светлая борода, блеклые глаза, жесткие скулы – все приметы человека, рожденного северней Дымной Дали.

– Вы изволите шутить? Кто вы такой?!

Прохожий поднял край рубахи, показался кинжал на поясе, а рядом с ним – мешочек вроде кошелька. Прохожий сунул туда руку и подал Хармону два треугольных клочка бумаги: белый и черный.

– Сообщите господину о вашем решении.

Хармона пробил холодный пот.

– Ваш господин – граф Куиндар? Передайте ему, что нужно больше времени. Передайте, что я должен поговорить с ним лично. Не с маркизом, а лично со Вторым. В нашем деле есть политические нюансы, так ему и передайте!

Прохожий не раскрыл рта, только поднес бумажки ближе к лицу Хармона – белую и черную.

– Мне необходимо поговорить со Вторым из Пяти! Ему следует узнать, кто я таков и откуда прибыл. Со мною связаны очень влиятельные люди!

– Выбирайте, – сказал северянин.

Хармон сглотнул.

– Я... не стану. Я не решил еще, слышите?!

– Ваше право, – равнодушно сказал прохожий и открыл перед Хармоном дверцу экипажа.

Хармон ничего не заметил. Лишь дома, сходя с брички, он увидел: откуда-то – из складок одежды, из щели дверцы – вылетел и упал наземь угольно-черный клочок бумаги.

* * *

– Друг Онорико, ты ведь знаешь всех в Шиммери, верно? Не сможешь ли устроить мне встречу с одним человеком?

– Мой славный друг и благодетель, ради тебя я устрою встречу с кем угодно! Если бы Праматерь Мириам жила в Лаэм, я и к ней пришел бы со словами: «Темноокая, прими и выслушай славного Хорама Паулину, человека огромной и чистой души!»

– Мне нужен Второй из Пяти.

– Ууу... – архитектор счастья подергал себя за ус. – Боюсь, недопонимание вкралось между нами. Я знаю всех в Лаэме, но Второй из Пяти обитает в Пентаго, а там не знаю никого. Велика моя грусть, что вынужден отказать тебе.

– Не грусти, а крепко подумай! Ты знаком с толпой вельможного народу – авось кто-нибудь знает кого-нибудь, кто имеет выход на Второго.

Онорико сник на глазах.

– Сия дорога усеяна трудностями, как кладбище – костями. Видишь ли, славный, бесчисленные мои знакомцы и приятели делятся на тех, кого боги одарили большим достатком, и тех, кого обделили. Связи в среде высшей знати имеют первые. Но как раз у них-то, в виду их финансовой успешности, мне неоднократно случалось занимать.

Рико стал вслух перебирать видных лаэмцев, которые наверняка свели бы его со Вторым из Пяти, если б не злились из-за просроченных долгов.

– Я дам тебе денег, и ты вернешь какой-нибудь долг.

– Долг вернется, а злость останется... Эх, славный, сложна моя жизнь, как танец на палубе в шторм.

– А Ванесса-Лилит? Она же у тебя белокровная дворянка, знакома с видными светскими дамами. Может быть, она...

– Моя луна тоже гневается из-за денег, а точнее – из-за их отсутствия.

– Но ты немало монет подбросил ей, когда ездил в Лаэм.

Рико изобразил непонимание, а затем удивление.

– Как ты мог подумать, славный! Ты поразил меня в самое сердце ядовитой стрелой! Каждая агаточка из твоих денег потрачена сугубо на нужды дела. Моя совесть...

– Оставь, – отмахнулся Хармон. – Не было бы у меня больше печали. Подумай и скажи: если Ванесса утихомирится, она сведет меня со Вторым?

Рико погрузился в самые глубины своей памяти. Время от времени он выныривал, бросал пару фраз о какой-нибудь знакомой жене, набирал воздуха в легкие и погружался вновь. Из десятого нырка он вынес жемчужину: кухня мужа старшей сестры Ванессы – наперсница некой вельможной леди из Пентаго. Имени леди Рико не вспомнил, как и имени наперсницы, но Пентаго – маленький город, там все вельможи отлично знакомы меж собою!

– Я дам тебе пятьдесят золотых... сто. Езжай к жене и умасти, как сможешь. Купи платьев, парфюмов, зонтик, карету. Забросай ее подарками, а когда она растает – отправляйтесь вместе в Пентаго. Найдите сестру, кухню, хоть святую прабабку – но добейтесь приема у Второго из Пяти.

С того мига, как прозвучало слово «сто», глаза Рико пылали вдохновением.

– Все сделаю самым блестящим образом, дорогой мой Хорам! Я куплю такие роскошные подарки, что Ванесса рухнет без памяти, а когда очнется – захочет дарить мне любовные ласки неделю без перерывов. Но едва ее губы коснутся моих, я строго скажу: «Это позже, луна моя, сейчас не время для страсти». Мы оседлаем горячих коней и помчимся напрямиком в Пентаго, и не будем знать отдыха, пока Второй из Пяти не выслушает нас. Я клянусь тебе, славный: если Ванесса-Лилит желает, чтобы ее выслушали, то жертва уже никак не спасет свои уши от звуков голоса Ванессы!

Архитектор счастья перевел дух.

– Что сказать Второму?

– У тебя славно подвешен язык. Найди правильные слова, передай вот какой смысл. Пусть Второй из Пяти не обижается на меня, ибо между нами не обида, а недопонимание. Я не хотел отклонять его щедрое предложение, а только искал компромисса. Хочу сохранить для себя и Низы возможность хоть иногда летать по небу. Чтобы воплотить это желание, предлагаю следующее: пускай Второй возьмет меня на службу главным по небесному судостроительству. Если он желает строить корабли, то ему нужен помощник, который бы этим заведовал. Есть только два человека, знающих это дело: я и мастер Гортензий. Второй из Пяти наймет меня, а я найму Гортензия – и дело закрутится. Клянусь, я так все налажу, что каждый месяц будет взмывать новый шар. Флот Второго из Пяти покроет все небо, как облака. А я получу хорошее прибыльное дело и перестану маяться от скуки, а Низа сможет летать, когда ей захочется. Все будут счастливы!

Онорико отвесил уважительный поклон.

– Скажу тебе как архитектор счастья: твой план, Хорам, – это подлинный дворец всеобщей радости. Главное – успеть осуществить его прежде, чем гнев Второго из Пяти перерастет в действие.

– Потому, друг мой, скачи прямо сейчас, без промедления!

И Хармон бросил на стол горку монет.

Рико умчался в Лаэм, сгорая от нетерпения, как молодой жеребец.

Хармон велел Гортензию так подготовить шар, чтобы можно было взлететь за кратчайшее время. Еще он подрядил четверку городских мальчишек поочередно следить за дорогой и немедленно сообщать о каждом чужаке. Затем спустился в подвал и раскрутил Светлую Сферу, и в божественном мерцании прочел: на сей раз он все сделал правильно.

Впрочем, Хармон был не настолько наивен, чтобы просто взять и поверить в успех будущих переговоров. Если Второй из Пяти так могуч, то он испытает соблазн не договариваться, а силой забрать небесный корабль. Нужно найти доводы, чтобы Второй вступил в мирный диалог с Хармоном и прислушался к просьбе. Лучшим доводом было бы спрятать небесный корабль,

чтобы никто, кроме Хармона, не мог его найти. Звучало смешно: ну как его спрячешь? Даже без газа внутри шар громаден, его не всунешь под кровать, не запихнешь в щель за комодом. Можно улететь на нем – но тогда все окрестные зеваки будут глазеть и легко укажут Второму направление. Да больше того: возможно, шпионы Второго из Пяти уже сейчас есть в Мелисоне. Как же спрятать шар?

Хармон рассмеялся, когда понял ответ. Это было до смешного просто, но человек, непривычный к полетам, ни за что не догадается. Облачной ночью Хармон взял в помощь Гортензия и за каких-то полчаса укрыл небесный корабль в тайном месте.

Затем спросил изобретателя: не имеет ли тот родичей в каком-нибудь глухом селе? Гортензий вспомнил своих дядю с тетей, проживающих в одном городишке в Изеринском графстве – таком глухом и забытом богами, что Мелисон рядом с ним покажется блестящей столицей империи. Хармон приказал:

– Друг мой, езжай туда прямо сейчас, проведай престарелых родичей.

– Сейчас? – удивился Гортензий. – Среди ночи?..

– Это создаст тебе ряд неудобств, но поверь: такое дело, как встреча с родичами, не терпит отлагательств. Особенно если речь идет о людях пожилых. А чтобы ты испытывал искреннюю радость и мог озарить ею унылую жизнь дяди с тетей, я дам тебе десять золотых.

– Просто так?! – Гортензий выпучил глаза.

– Да. Не в счет шара, а просто за то, что ты без промедления выполнишь свой родственный долг. Только не забудь по дороге дважды сменить извозчика, да так, чтобы они друг друга не видели.

– Звучит так, славный Хорам, будто ты хочешь меня от кого-то спрятать. Говоря честно, мне от этого становится слегка не по себе.

Лучшая ложь – половина правды. Потому Хармон ответил так:

– Ты прав, Гортензий. Нынче на базаре я услышал скверные беседы, будто бы горожане решили расправиться с моею Низой. Ближайшими днями они могут наведаться в поместье и устроить бучу. Вот потому я забочусь о твоей безопасности и о сохранности шара, ибо ты и небесный корабль никак не связаны с шаванкой и не должны пострадать ни за что.

Гортензий солидно кивнул:

– Весьма здравые рассуждения, славный. Я полностью и всесторонне согласен с ними. Но как же ты и Низа? Не лучше ли вам тоже отправиться погостить к моим родичам? Они охотно примут вас, особенно если накинешь еще пару эфесов.

– Благодарю за гостеприимство, но я не оставлю поместье на поругание. Мы с Низой возьмем в руки арбалеты и дадим отпор всякому посягательству. А когда мелисонцы уймут свои хищные порывы – тогда я пошлю тебе весточку, и ты вернешься. И главное: никуда ни ногой из того городка. Я ведь буду писать именно туда, и если мое письмо не найдет тебя – как получишь остаток оплаты за шар?

Существовал риск, что Гортензий решит остаться и помочь Хармону, но весьма малый. Тщательно все взвесив, изобретатель не стал спорить, а взял деньги и быстро укатил, еще и прихватил с собой студента, чтобы в дороге было не страшно.

Слуги уходили ночевать в город, так что Хармон остался в поместье вдвоем с Низой.

* * *

– Тысяча золотых, – сказал Меркос, пожевав слова.

Он был омерзителен: широкий, грубый, заросший настолько, что едва видны глаза; сквозь сальные волосы блестели золотые серьги, в щербатом рту торчал золотой зуб. Меркос не был ни легендарным пиратом, ни прославленным пиратом, он был просто капитаном тор-

гового судна с подозрительно вооруженной командой, носил на поясе саблю и кривой кинжал, а на плече – попугая. Вероятно, он мог подойти Могеру Бакли, но...

– Тысяча золотых.

– Тьма сожри! За эти деньги можно купить корабль!

Меркос пожевал слюну и сплюнул набок.

– Купи.

– Дело займет одну ночь. Одна чертова ночь стоит тысячу эфесов?!

Попугай переступил с лапки на лапку, Меркос почесал ему грудь.

– Да.

– Ты думаешь, раз я приезжий, то меня можно обманывать как угодно. Но я не из тех, слышишь? Я знаю, что сколько стоит! Могу заплатить триста эфесов, и ни агаткой больше!

Бакли лгал. На деле, он не имел и трехсот. Леди Магда Лабелин выдала ему на розыски Хармона сто пятьдесят золотых, из коих теперь осталось немногим больше сотни.

Меркос шелкнул попугая, и тот хрипло хохотнул:

– Харррр. Харррр.

– Тысяча золотых, – сказал капитан.

– Будь ты проклят!

Бакли покинул комнату Меркоса, спустился на первый этаж трактира, где орали и пили моряки с золотыми серьгами в ушах, а оттуда вышел на улицу, в беснующийся пляшущий город.

Вчера в Золотую гавань вошла эскадра Магды Лабелин, и с тех пор празднества не прекращались ни на час. Взметались фейерверки, ревели слоны, музыканты терзали струны, певцы и торговцы надрывали глотки, горожане пили, плясали, тискали женщин – своих ли, чужих, кто здесь разберет. Подлинной причиной праздника была, конечно, не леди Магда – уродливая дочь униженного лорда. Дело в том, что для встречи с леди Магдой в Лаэм съехались первые вельможи королевства. Принц Гектор Шиммерийский покинул свой дворец и выехал в город – впервые после возвращения из Литленда. До сих пор заливал вином горечь поражения, а тут воспрял духом и показался на люди. Граф-винодел Огюст-Римар, Третий из Пяти, привел в Лаэм процессию блестящих всадников, за коими тянулась вереница телег с бочками отличного вина, и каждую восьмую из них горожанам отдали бесплатно. Четвертый из Пяти, царь шелка, явился с батальоном танцовщиц в самых ярких и пестрых одеждах, какие только может вытерпеть человеческий глаз. Слоны тоже были его. Слоны, тьма их сожри! С будками на спинах! Пятый из Пяти, владелец множества верфей, устроил морской парад. Белые паруса, алые паруса, серебряные, черные... Взгляни на море – не увидишь воды. Из пресловутого Совета Пяти только Второй не явился в Лаэм, но прислал своего вассала, некоего маркиза, который тоже чем-то блистал, чем-то дивил гостей, чем-то ублажал мещан... Расчет у всех у них был прост. При Северной Вспышке Лабелины бежали из своей столицы – наверняка с накопленным золотом. Прежний доход Лабелинов рухнул – нет больше монополии на торговлю с Севером. Значит, Лабелины будут искать новый источник дохода, значит, вложат свое золото во что-то. В корабли? Шелка? Вино?..

В торжествующем городе, предвкушающем богатство, Бакли кипел от злости. Все шло косо, криво, не так. Хармон должен был найтись быстрее, праздник – начаться позже. Еще вчера утром за глаорию можно было купить любые сведения, если только человек владел ими. Теперь мещане воротили нос и от Бакли, и от глаории, и от любого серьезного разговора. Тут праздник, вино, пляски, женщины! Какой Хорам, кому он нужен? Ничего не помню, думать лень... Парни Могера честно трудились, не давая кутерьме сбить себя с дороги. Девять стерег северные ворота; Семь и Восемь рыскали по тракту, подсаживались к извозчикам – не вспомнит ли кто Онорико-Мейсора; Дейв продолжал шерстить алхимиков. Толку было – с козла молока. Никто не видел, не помнил, да и помнить не хотел.

А меж тем наступила пора идти на почту. По согласию с леди Магдой, в день ее прибытия Бакли оставил в почтовом ведомстве записку о своих успехах, а через сутки там же должен был получить ответ. Сутки миновали. В записке для «господина Мо» значилось: «*Явись во дворец принца. М.Л.*».

Могер Бакли не любил дворцов, тем более – таких роскошных. Эти пальмы, фонтаны, колонны, скульптуры; этот полированный мрамор, что бьет по глазам, эти блистающие стражники, мимо которых страшно пройти. С каждым шагом вглубь дворца Бакли чувствовал себя все мельче и ничтожней. А тут еще длится проклятый праздник – шатаются вельможи с пьяными глазами, мечутся слуги, хохочут женщины; смердит благовониями, пролитым вином, потными телами. Бакли казался себе мышью на пиршестве котов. Пока стражники вели его к леди Магде, он твердил себе: «Но если я найду тысячу эфесов, и если Меркос справится с делом. Если я найду, если Меркос справится!..»

Приемным покоем леди Магды служил огромный зал под арочным потолком. Леди Магда возлежала в бассейне, облаченная в купальное платье. Двое здоровенных мужиков обмахивали ее опахалами, мышцы перекачивались на их голых торсах. Лабелиновские мечники остались у входа, Бакли один приблизился к бассейну.

– Здравствуй, крысеныш, – голос миледи звучал неопределенно. – Видал мой подарок?

Она плеснула водой на здоровяков.

– Можно ли при них говорить, прекрасная леди? – усомнился Могер.

– Они глухи и немые. И покорны, как старые кони. Оказалось, на рынке рабов встречается нечто поинтереснее плоскогрудых шаванок.

– Вам подарил их принц, миледи? Как вы им приказываете, если они глухи?

Миледи шлепнула по воде пухлой рукой.

– Бакли, будь добр, напомни-ка, в чем заключался твой план.

Его насторожило слово «твой». Будь план полностью удачен, леди Магда звала бы его «наш» или «мой».

– Прекрасная леди, мы планировали скупить все излишки оружейных очей, накопленных шиммерийцами, и по дешевке распродать их всем, кто считает себя врагами северян. Натравить на Ориджина свору псов, вооруженных искрой, а заодно добиться обесценивания рыцарского сословия как такового. В результате проклятые нетопыри потеряют и репутацию, и много крови.

– Ага, ага... – леди Магда рассеянно болтала большим пальцем ноги, торчащим над водой. Это очень раздражало Бакли. – А каким образом ты намеревался сэкономить миллион эфесов моего лорда-отца?

И снова – «ты».

– Мы собирались, прекрасная леди, устроить торги между пятью главными шиммерийцами. Толкнуть их на конкуренцию, сбить цену, купить только у того, кто запросит дешевле. Когда остальные будут кусать себе локти, подсунуть им идею продать очи напрямик врагам северян – тем же шаванам или приарху.

– Отличная придумка! Чертовски мудрая!

– Прекрасная леди... – Бакли растерянно поклонился.

– Крысеныш, пройди по залу, оглядись по сторонам. Здесь собраны все дары, которые я получила от шиммерийцев. Видишь амфоры с вином? Видишь чаши с благовониями? Видишь мраморных баб в шелках? Представь: скульптуры нарочно для того, чтобы показывать платья. А вон там стоит сундук с чаем. Сраный сундук со сраным чаем. А там – присмотришь, присмотришь – макет острова. Большой макет острова с крохотным макетиком дворца на берегу. Принц Гектор готов продать мне чудесный остров по сходной цене. Раз уж столицу моих предков сожрал нетопырь, то мне нужно новое жилье, не правда ли? И рабы, да. Потребуется много

рабов для убления всех моих прихотей, чтобы купаться в наслаждении каждую минуту, и никогда... – она яростно ударила по воде, – никогда, никогда не думать о том, как нас поймел Ориджин!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.